

росс

ИЗВЕСТИЯ

ISSN 0134-2428

ISSN 0130-1748

СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

серия **ИСТОРИЯ,**

ФИЛОЛОГИЯ

И ФИЛОСОФИЯ

1 выпуск

1989

«НАУКА»

СИБИРСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ИЗВЕСТИЯ СИБИРСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ АКАДЕМИИ НАУК СССР

СЕРИЯ ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ФИЛОСОФИИ

Год основания журнала май 1957	Периодичность журнала 21 выпуск в год	Вып. 1	Февраль 1989
Год основания серии 1984	Периодичность серии 3 выпуска в год		

СОДЕРЖАНИЕ

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

- «Великий перелом» в деревне (дискуссия по проблемам коллективизации) . . . 3

АРХЕОЛОГИЯ

- Деревянко А. П., Петрин В. Т. Комплекс каменной индустрии с севера котлови-
ны Больших Озер . . . 37
Конилов Б. А. Раннесредневековый ковч из лесного Прииртышья . . . 43
Матюшенко В. И. Погребение воина Саргатской культуры (предварительное
сообщение) . . . 51

ДОКУМЕНТАЛЬНЫЕ СТРАНИЦЫ

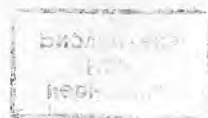
- Шишкин В. И. К истории колчаковского переворота . . . 59
Иванов В. Н. Из истории приобщения якутов к русскому земледелию в XVII в. 63

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

- Маточкин Е. П. Традиционные образы в современном искусстве алтайских ча-
банов . . . 68
Астахов С. Н. Новые памятники каменного века в северной части ущелья Ени-
сея в Саянах . . . 71

РЕЦЕНЗИИ

- Одиноков В. Г. I v o P o s p í š i l. Labyrint kroniky. Pokus e teoreticke vyme-
zení zánru. Brno, 1986. . . 74
Старцев А. Ф. Е. С. Н о в и к. Обряды и фольклор в сибирском шаманизме.
Опыт сопоставления структур.— М., 1984. . . 75
Миняев С. С. А. В. Д а в ы д о в а. Иволгинский комплекс—памятник хунну
в Забайкалье.— Л., 1985. . . 77

CONTENTS

SCIENTIFIC DISCUSSIONS

«The great change» in the country (<i>discussion on the problem of collectivization</i>) . .	3
--	---

ARCHAEOLOGY

Derev'anko A. P., Petrin V. T. A stone industry complex in the north of the Valley of Lakes	37
Konikov B. A. A scoop dated by the Early Middle Ages, from the forest Cis-Irtish Region	43
Mat'ushchenko V. I. A fighting man's burial of the Sargat Culture (<i>a preliminary report</i>)	51

DOCUMENTAL PAGES

Shishkin V. I. To the history of Kolchak's upheaval	59
Ivanov V. N. From the history of the Yakut's access to the Russian agriculture	63

BRIEF REPORTS

Matochkin Ye. V. Modern art of shepherds of the Altai	68
Astakhov S. N. New sites of the Stone Age in the northern part of the Yenisei Gorge in the Sayans	71

REVIEWS

Odinokov V. G. I v o P o s p i s i l. Labyrint kroniky. Pokus o teoreticke vymězení žánru.— Brno, 1986.	74
Startsev A. F. N o v i k Y e. S. Ceremonial rites and folk-lore in Siberian shamanism. An experiment of correlation of structures.— M., 1985	75
Min'aeu S. S. D a v i d o v a A. V. The Ivolginsk Complex — a Huns' site in the Trans-Baikal Area.— L., 1985.	78

НАУЧНЫЕ ДИСКУССИИ

«ВЕЛИКИЙ ПЕРЕЛОМ» В ДЕРЕВНЕ

(дискуссия по проблемам коллективизации)

В апреле 1988 г. в Институте истории, филологии и философии СО АН СССР состоялась дискуссия по проблемам коллективизации сельского хозяйства Советского Союза. С докладом на ней выступил доктор исторических наук Н. Я. Гуцин. В дискуссии приняли участие доктор исторических наук Л. М. Горюшкин и В. И. Шишкин, доктор филологических наук А. И. Федоров, доктор философских наук А. Т. Москаленко, кандидаты исторических наук В. А. Жданов, В. А. Ильиных, В. И. Исаев, В. А. Исупов, С. А. Красильников, А. А. Николаев, И. В. Павлова, кандидат философских наук С. Г. Ларченко (все — Институт истории, филологии и философии СО АН СССР), кандидат исторических наук И. С. Кузнецов (Новосибирский государственный университет).

Н. Я. Гуцин. Многократно возросший интерес общественности к историческому опыту социалистического строительства больше всего концентрируется на оценке коллективизации, на драматических событиях тех лет, экономических издержках и человеческих трагедиях. История коллективизации закономерно привлекает внимание как общественности, так и исследователей обществоведов. Наша страна до революции, да и долгое время после нее была преимущественно страной крестьянской (в середине 20-х годов более 4/5 населения страны составляли крестьяне), и строительство социализма было связано с судьбами 120 миллионов человек. Однако на освещении в литературе этой важнейшей судьбоносной страницы нашей истории долгое время довели стереотипы, схемы сталинской книги «История ВКП(б). Краткий курс», все изображалось преимущественно в радужном цвете, как сплошная цепь побед. Предпринятые историками после XX съезда партии попытки критического переосмысления опыта коллективизации во второй половине 60-х годов были, по сути, прерваны под воздействием возобладавших тогда политических концепций. На нынешнем этапе в условиях перестройки и обновления всех сторон жизни советского общества, в том числе и идейно-политической, открываются благоприятные возможности для творческого переосмысления и переоценки сложной и противоречивой истории советской деревни. Первыми смело «ринулись в бой» за историческую правду, пусть нелюбимую и жестокую, публицисты. Ими подняты многие острые вопросы драматической борьбы народа за социализм. Стремление передовых слоев интеллигенции быстрее ответить на сложные и долгое время бывшие под запретом проблемы нашей истории понятны: народ и в первую очередь молодежь хотят знать всю правду о нашем историческом прошлом, как бы сурова она ни была, не ради простого любопытства, а во имя настоящего и будущего, чтобы извлечь правильные уроки и не допустить повторения ошибок и просчетов. Однако в большом потоке публицистической литературы много противоречивых и легковесных оценок. Не утруждая себя доказательствами, не располагая и не анализируя документальный материал, который позволял бы дать взвешенные, научно обоснованные оценки, мимоходом, как само собой разумеющиеся, «бросаются» тезисы о процветающей деревне в условиях нэпа — «Крестьянской Атлантиде», где царило всеобщее равенство, материальное благополучие и трудовое сотрудничество, о якобы полном отсутствии кулачества, ликвидации всего

крестьянства на основе коллективизации и т. п. За подобные вульгаторские взгляды несут ответственность и историки, так как научной истории коллективизации мы еще не создали. Более того, общественно в настоящее время справедливо предъявляет счет историкам: они мало и мало включаются в процесс перестройки, разработка подлинно научной и правдивой истории колхозного строительства все еще отстает от общественных потребностей времени. Но следует иметь в виду — не для оправдания, а для объяснения сложившегося положения, — что историк, для обоснования той или иной концепции требуется вся сумма фактов в совокупности и их скрупулезный анализ, а доступ к архивным материалам долгое время был строго ограничен, а к некоторым (наиболее важным) и вовсе закрыт. Исправление этого положения осуществляется чрезвычайно медленно. Кроме того, господствующие политические концепции вмешательство в творческий процесс различных директивных учреждений тормозили, а порой и вообще исключали возможность публикации смелых оригинальных постановок, критической оценки негативных процессов прошлого.

Попытаемся выделить основные наиболее острые, слабо разработанные, в большей мере дискуссионные проблемы, делая акцент на сибирский конкретно-исторический материал.

Первая проблема: восстановление в полном объеме и более глубоком осмыслении ленинских идей о кооперации. В историографии до недавнего времени ленинские идеи о кооперации давались в усеченном виде: снабженческая кооперация рассматривалась лишь как подготовительная ступень производственных форм — колхозов, значение кооперации сводилось лишь из распыленности мелкотоварного крестьянского хозяйства, из отсталости деревни и т. п. В литературе показывались в динамике различные этапы разработки В. И. Лениным плана использования кооперации, однако все стороны и глубина его идей, высказанных в «Завещании» — в статье «О кооперации», не были всесторонне осмыслены. В нем не были и попытки представить ленинский «кооперативный план» как «конечный», не нуждающийся в дальнейшем развитии и совершенствовании, что противоречило самой диалектической природе марксизма-ленинизма. Главный вывод ленинской статьи заключался вот в чем: «Стимулирование кооператоров при общественной собственности на средства производства, при классовой победе пролетариата над буржуазией это есть строй социализма»¹.

В литературе не всегда учитываются все слагаемые условий, при которых кооперация становится социалистическим предприятием. В. И. Ленин никогда не ставил сколько-нибудь определенный срок социалистического переустройства деревни. Он подчеркивал, что речь идет о труднейшей задаче, решаемой «в неопределенный срок», что это — «дело, требующее поколений»². В статье «О кооперации» он пишет: «...Чтобы достигнуть через наш участия в кооперации поголовно всего населения вот для этого требуется целая историческая эпоха. Мы можем пройти хороший конец эту эпоху в одно-два десятилетия»³.

В. И. Ленин разработал принципы кооперативно-колхозного строительства (добровольность, убеждение практическим опытом, материалы стимулирование, самостоятельность и демократизм), а также условия успешного осуществления: коренная техническая реконструкция сельского хозяйства («применение тракторов и машин в деревне в массовом масштабе»⁴), подъем культуры народных масс, равнозначный «целой культурной революции» («поголовная грамотность» населения, «приучение пользоваться книжками», умение «быть толковым и грамотным торгашом...», быть культурным торгашом»⁵).

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 373.

² Там же. — Т. 43. — С. 60, 227.

³ Там же. — Т. 45. — С. 372.

⁴ Там же. — Т. 43. — С. 60.

⁵ Там же. — Т. 45. — С. 372—373, 376.

Именно в связи с кооперацией В. И. Ленин выдвинул тезис — «Мы вынуждены признать коренную перемену всей точки зрения нашей на социализм»⁶. В «Завещании» В. И. Ленин наметил основные принципиальные направления такой «перемены», однако в полной мере развить этот тезис он не успел. Осмысление ленинских идей применительно к каждому конкретно-историческому этапу социалистического строительства — важнейшая задача обществоведов. Заслуживает внимания мысль экономиста Г. И. Шмелева о том, что «в свете ленинских высказываний представляется несостоятельным утверждение об обязательности для построения социализма полного и всеобщего обобществления индивидуальных хозяйств в сфере производства». Развитие кооперации «в сфере снабжения и сбыта, области кредита, совместной обработки земли, совместного использования технических средств... расширение их сотрудничества с общественным сектором, даже без объединения таких хозяйств в производственной сфере, тождественно росту социализма»⁷.

Философ А. С. Ципко считает, что возрождение кооперации в нашей стране, а также опыт социалистических сравнительно высоко развитых стран (ГДР и др.) свидетельствует об универсальности ленинских идей о кооперации. Традиционное представление историографии о необходимости использования кооперации исключительно вследствие преобладания в стране мелкотоварного раздробленного производства опровергается мировым опытом социалистического строительства. Автор делает дискуссионный, но заслуживающий внимания вывод: «Чем выше уровень индустриального развития, цивилизованности страны, вставшей на путь социализма, чем выше уровень жизни ее населения, тем активнее и шире она использует формы кооперации»⁸.

Вторая проблема: основные тенденции развития сельского хозяйства в условиях нэпа. Современные публицисты, да иногда и историки и экономисты идеализируют нэп, трактуют его как период чуть ли не полного процветания деревни и всеобщего благоденствия. Нередко пропагандируется мысль, что на национализированной земле, поделенной поровну, классового расслоения не происходило, что с кулаками было покончено уже в годы гражданской войны и т. д.

Нэп, возбудивший творческую инициативу и хозяйственную предприимчивость широких народных масс, придал динамизм восстановительным процессам. Уже к середине 20-х годов народное хозяйство страны было восстановлено. Темп восстановления сельского хозяйства (как и всего народного хозяйства) был сравнительно высокий. Однако часто приводимые в современной литературе сравнимые показатели 1922 г., когда был кризис и разруха, с 1927—1928 гг. (время наибольших успехов) не являются корректными. Известно, что восстановительные процессы в сельском хозяйстве после Великой Отечественной войны были тоже достаточно высокие, несмотря на то, что тогда господствовала командно-административная система. О действительных возможностях мелкотоварного крестьянского хозяйства можно судить исходя из сравнительных данных за 1925—1928 гг. Так, валовые сборы зерна в 1925 г. составили 72,5 млн т, в 1926 г. достигли наивысшего уровня — 76,8 млн т, в 1927 г. снизились до 72,3 млн т, в 1928 г. опять немного повысились до 73,3 млн т, в 1929 г. вновь снизились до 71,7 тыс. т. Эти данные показывают, что, хотя производство зерна превзошло довоенный уровень (среднегодовой сбор в 1909—1913 — 65,2 млн т, в 1913 г. — 76,5 млн т), рост его был неустойчивый, что свидетельствовало об ограниченных возможностях мелкотоварного крестьянского хозяйства. Темпы роста производства технических культур также были умеренные и неустойчивые. Благоприятнее было положение в животноводстве: поголовье скота в 1925—1928 гг. увеличи-

⁶ Там же. — С. 376.

⁷ Шмелев Г. И. Не смей командовать! // Октябрь. — 1988. — № 2. — С. 4.

⁸ Ципко А. С. Размышления о причинах исторической устойчивости кооперации // ЭКО. — 1987. — № 9. — С. 14.

валось ежегодно примерно на 5 %. Сельское хозяйство Сибири развивалось более высокими темпами: валовой сбор зерна в 1928 г. возрос по сравнению с 1913 г. на 47 %, а по сравнению с 1925 г. — на 35,5 %. Этому способствовали, помимо общих благоприятных факторов, порожденных нэпом, и специфические для региона: лучшая обеспеченность крестьянства землей, орудиями и машинами, большой приток переселенцев (в 20-е годы сюда прибыло их около 1 млн чел.), освоивших новые плодородные земли, и др. Роль Сибири как важнейшей житницы страны в эти годы непрерывно возрастала. В 1928 г. в Сибирском крае, где проживало около 6 % населения страны, заготавливалось 17 % зерна, почти половина всего масла, 12 % мяса. Доля сибирского масла в общесоюзном экспорте составляла три четверти. Успешно вплоть до конца 1929 г. развивались все виды кооперации. Осенью 1929 г. сельскохозяйственная кооперация охватывала по стране 55 % крестьянских хозяйств, простейшие производственные кооперативы — 17—18 %. В Сибири уровень развития сельскохозяйственной кооперации был выше: в октябре 1929 г. 38,4 % крестьян состояло в кредитной кооперации, 49,4 — в молочной и 28,7 % — в простейших производственных кооперативах.

И в условиях нэпа, в конце 20-х годов, деревня была отсталой в экономическом и техническом отношении, в ней очень остро и с нарастающей силой проявлялись социальные противоречия и классовая борьба. Почти девять десятых пашни в стране приходилось на долю трехполья, преобладал ручной труд (лишь 15 % хозяйств имели машины). В 1927 г. в РСФСР 28,4 % крестьян не имели рабочего скота, 18,8 % — пахотного инвентаря, 18,8 % — коров.

Сибирский крестьянин отличался большей имущественной состоятельностью, но и социальные противоречия здесь выражались острее. В 1927 г. свыше 7 % крестьян в регионе не имели посева, 12 % — рабочего скота, почти две трети крестьян не имели машин. Здесь был многочисленный слой батрачества, достигавший 10 % в составе крестьянских хозяйств; беднота составляла около 20 %. На другом полюсе находилось кулачество, составлявшее в 1927 г. 6,7 % в составе крестьянских хозяйств (в стране около 4 %), владевших около 20 % средств производства, в том числе 26 % инвентаря и машин. Нэп В. И. Ленин определял как экзамен соревнования с частным капиталом на экономической основе, ожесточенную борьбу с ним, в ходе которой решается центральный вопрос социального строительства — «кто кого?», как «последний решительный бой»... с русским капитализмом, с тем, который растет из мелкого крестьянского хозяйства⁹. Жизнь полностью подтвердила это ленинское положение, но эта сторона вопроса исследована в нашей историографии. В конце 20-х годов и на базе нэпа в народном хозяйстве объективно возникли серьезные диспропорции (неутоленный товарный голод, рост дороговизны, острые инфляционные явления и т. п.). Противоречия особенно остро проявились в развитии сельского хозяйства: после восстановления темпы его развития резко снизились, сильно сократилась товарность, возникла «размычка» (в противовес смычке) города с деревней. Весь ход развития мелкотоварной деревни подтверждал правильность ленинской мысли — «мелким крестьянством из нужды не выйти». Где же выход? Выход, отвечал Ленин, в переходе к общественным хозяйствам, к социализму в земледелии, как и во всех других сферах экономики и жизни вообще.

Третья проблема: изменение нэпа (деформация и ликвидация его) и аграрной политики в 1928—1929 гг., особенно причины, сущность и последствия «великого перелома» 1929 г., извращение ленинских принципов кооперативного строительства в «сталинской» коллективизации. Известно, что решения XV съезда партии (декабрь 1927 г.) были разработаны в соответствии с ленинским кооперативным планом: предусматривалось развитие всех видов кооперации — от торговой до производственной, подтверждалась неизбежность принципов добровольности, личной материальной

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 83.

заинтересованности и других, форсирование создания колхозов не предусматривалось, осуждались попытки «подстегивания» социально-экономических процессов и т. д. Однако вскоре после съезда по инициативе Сталина началась постепенная ревизия этих решений. Первый шаг в этом направлении связан с поездкой Сталина в Сибирь в начале 1928 г. В конце 1927 г. в стране возник хлебозаготовительный кризис, выразившийся в том, что зажиточные слои деревни (в особенности кулаки) не стали по низким заготовительным ценам добровольно сдавать хлеб государству (в то время налога на хлеб не существовало, крестьяне платили лишь денежный налог). В целях ликвидации «прорыва» в хлебозаготовках Сталин 15 января 1928 г. выехал в Сибирь, где пробыл до 6 февраля, посетив основные хлебные районы края. Он принял участие в заседаниях бюро Сибирского крайкома ВКП(б) в Новосибирске, в заседаниях бюро окружных комитетов партии и совещаниях актива омской, барнаульской, бийской и рубцовской окружных партийных организаций совместно с представителями Советов и заготовительных организаций. Сталин в чрезвычайно резкой форме критиковал местных работников за нежелание применять против кулаков чрезвычайные меры, 107 статью Уголовного кодекса РСФСР. В речи, которая была опубликована впервые лишь в 1949 г., он так характеризовал представителей «прокурорской и судебной власти»: «Почти все они живут у кулаков, состоят у кулаков в нахлебниках и, конечно, стараются жить в мире с кулаками... Непонятно только, почему эти господа (подчеркнуто мною. — *Н. Г.*) до сих пор еще не вычищены и не заменены другими...»¹⁰ И в связи с текущим мероприятием — хлебозаготовительной кампанией — Сталин выдвигает задачу «развертывания строительства колхозов и совхозов». Это было началом ревизии решений XV съезда партии и принципиального отхода от ленинского кооперативного плана: кооперирование крестьянских хозяйств стало рассматриваться не как самостоятельная цель социалистического переустройства общества, осуществление которой мыслилось произвести постепенно в течение целой исторической эпохи, а как подчиненное средство решения хлебной проблемы в возможно более короткие сроки, не считаясь с социальными потерями и их последствиями.

Кроме того, на практике 107 статья УК применялась весьма расширительно. Согласно ей, к судебной ответственности (лишению свободы сроком не ниже 5 лет с полной или частичной конфискацией имущества) подлежали лица за скупку и перепродажу сельскохозяйственных продуктов с целью наживы. В действительности же эта статья стала широко применяться в случаях хранения и отказа продавать государству хлеб. Следовательно, применение этой статьи зависело практически не от преступного деяния, а от хода хлебозаготовок. В дальнейшем в ходе хлебозаготовительных кампаний 1928—1929 и 1929—1930 гг. стали расширительно применяться к несдатчикам хлеба и другие статьи УК (61, 58 и др.), причем не только к кулакам, но и к середнякам — основным держателям хлеба, которые в ряде случаев наряду с кулаками «раскулачивались». К лету 1928 г. из числа осужденных по ст. 107 УК середняки и бедняки составляли в сибирском крае 6,8 %, а в отдельных округах значительно больше (в Кузнецком — 26,1 %, Бийском — 13,6, Омском — 13,1 %). Общее число незаконно репрессированных середняков и бедняков было, по-видимому, значительно большим, так как в разряд «кулаков» часто относились и категории «зажиточных», а иногда и «подкулачников», политэкономическое содержание которых было весьма неопределенным. В отдельных районах допускались произвольные методы заготовок: подворный обход всех крестьян, проверки амбаров, обыски, обложение заданиями по хлебосдаче всех дворов и т. д. Применение репрессивных мер значительно расширилось во время хлебозаготовительных кампаний 1928—1929, 1929—1930 гг. О грубых нарушениях законности в Рубцовском округе говорилось на заседании Сибкрайкома 14 марта 1929 г.

¹⁰ Сталин Н. В. Полн. собр. соч. — М., 1949. — Т. 11. — С. 4.

Поэтому изображение в историографии «урало-сибирского метода» хлебозаготовок («самообложение») лишь как почина—инициативы низов следует признать односторонним. Нередко «самообложение» проводилось административным путем, «хлебными тройками» и специальными «уполномоченными». Это признавал, в частности, Л. М. Каганович. В письме секретарю Сибкрайкома С. И. Сырцову 1 апреля 1929 г. «О хлебозаготовках в Барнаульском округе» он писал: «Продажа по пятикратному обложению вызывает, конечно, большое недовольство. Это совершенно естественно. У ряда крестьян это недовольство усугубляется тем, что это не по суду, а решается тут же местной сельской комиссией и сельскими властями»¹¹. Как выход из положения автор письма предлагал больше привлекать крестьян к судебной ответственности. Судебные репрессии наряду с административными получали все большее распространение в крае. На необоснованно широкое применение 58 ст. УК (контрреволюционная деятельность) к крестьянам указывал, в частности, полномочный представитель ОГПУ по Сибирскому краю в докладе на пленуме Сибкрайкома в марте 1929 г.¹² Допущенные извращения не только подрывали производительные силы, но и осложняли политическое положение в деревне, ослабляли союз с середняком.

Если проследить выступления Сталина в 1928—1929 гг., то в них все в большей степени решение хлебной проблемы связывается с форсированным строительством колхозов и совхозов. Однако вплоть до второй половины 1929 г. в выступлениях Сталина и в особенности в постановлениях Коммунистической партии (решения XVI партконференции и др.) неизменно подчеркивалось, что мелкотоварное крестьянское хозяйство долгое время будет оставаться основой сельскохозяйственного производства. Первый пятилетний план (октябрь 1929 г. — октябрь 1933 г.) намечал весьма умеренные темпы колхозного строительства. К концу пятилетки предполагалось коллективизировать 4—4,5 млн крестьянских хозяйств (16—18 %), валовую продукцию колхозов поднять с 1 до 11,4 %. Зато охват дворов сельскохозяйственной кооперацией предполагалось довести с 37,5 до 85 %. Это, по-видимому, были реальные темпы, которые позволили бы вести кооперативно-колхозное строительство на основе ленинских принципов и решений XV съезда партии.

Решающий поворот в аграрной политике произошел во второй половине 1929 г. Это признавал и Сталин¹³, по инициативе которого и произошел этот поворот. В статье «Год великого перелома», опубликованной в «Правде» 7 ноября 1929 г., он явно переоценил успехи колхозного строительства, выдавая желаемое за действительное. Он утверждал, что в течение года (с 1928 по 1929) «коренной перелом в развитии нашего земледелия от мелкого и отсталого индивидуального хозяйства к крупному и передовому коллективному земледелию» уже произошел, что «благодаря росту колхозно-совхозного движения мы окончательно выходим или уже вышли из хлебного кризиса», что колхозы и совхозы будут «проявлять чудеса роста», что «наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире»¹⁴.

Как в действительности обстояло дело? Темпы колхозного строительства после XV партийного съезда ускорились: охват крестьянских хозяйств колхозами поднялся в стране с 0,8 (I/X 1927 г.) до 3,9 % (I/VI 1929 г.) и 7,6 % (I/X 1929 г.); в Сибири соответственно 0,7; 4,5 и 6,7 %. Это еще не был «коренной» и «великий» перелом. Тем более, как свидетельствуют документы, уже в то время проявились многочисленные факты нарушения добровольности, администрирования, в стране все больше разрывилось нездоровое соревнование под лозунгом «Даешь колхозы!». В этой обстановке проходил 10—17 ноября 1929 г. Пленум ЦК ВКП(б).

¹¹ ПАНО, ф. 2, оп. 2, д. 378, л. 23.

¹² Там же, д. 422, л. 18.

¹³ См.: Сталин И. В. Ответ т. М. Рафаилу // Полн. собр. соч.— М., 1949.— Т. 12.— С. 231—232.

¹⁴ Там же.— С. 124—126, 131—132.

В выступлении В. М. Молотова, бывшего тогда секретарем ЦК по работе в деревне, было выдвинуто требование о проведении коллективизации в основных сельскохозяйственных районах за год, а на Северном Кавказе — уже летом 1930 г.¹⁵ Правда, на Пленуме в выступлениях секретаря ЦК Украины С. В. Косиора, секретаря Нижне-Волжского крайкома Б. П. Шеболдаева, члена ЦК Н. А. Кубяка и других прозвучали тревожные сигналы о допускавшихся на местах извращениях, о «дугих и искусственно созданных колхозах» (С. В. Косиор). С. И. Сырцов (бывший до 1929 г. секретарем Сибкрайкома, а в 1929—1930 гг. — председателем СНК РСФСР) зачитал на Пленуме тревожное письмо инструктора Баранова о грубейших извращениях в Хоперском округе Нижне-Волжского края. По поводу этого письма Сталин бросил на Пленуме реплику: «Что же вы хотите все предварительно организовать?» В том же духе «подстегивания» коллективизации, «насаждения» колхозов и совхозов-гигантов неоднократно высказывался и практически действовал Сталин в конце 1929 — начале 1930 г. В речи на конференции аграрников-марксистов 27 декабря 1929 г. он единолично, без обсуждения на Пленуме ЦК (не говоря уже о съезде или конференции партии) провозгласил переход к принципиально новой классовой политике — «к политике ликвидации кулачества как класса»¹⁶. В письме «Ответ товарищам свердловцам», опубликованном в «Правде» 10 февраля 1930 г., Сталин дает указание: «усилить работу по коллективизации в районах без сплошной коллективизации»¹⁷.

Созданная 5 декабря 1929 г. Комиссия Политбюро ЦК для определения темпов коллективизации по главе с наркомом земледелия СССР Я. А. Яковлевым, предусматривала хотя и более быстрые по сравнению с пятилетним планом, но сравнительно умеренные темпы коллективизации. Однако по указаниям И. В. Сталина и замечаниям В. М. Молотова проект комиссии был переработан, сокращен и отредактирован Сталиным. В принятом ЦК ВКП(б) 5 января 1930 г. постановлении сроки коллективизации были резко сокращены (в основных зерновых районах — осень 1930 г. — весна 1931 г., в остальных зерновых районах — осень 1931 г. — весна 1932 г.). Из постановления оказались исключенными положения о степени обобществления скота, о порядке образования неделимых фондов и т. д. Ни в рассматриваемом постановлении, ни в постановлении ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», разработанном под руководством Молотова и принятым с явным опозданием, не было принято во внимание мнение ряда партийных руководителей и организаций (в частности подкомиссии во главе с К. Я. Бауманом, созданной для разработки постановления от 5 января 1930 г.) о возможности приема большей части лояльно настроенных к Советской власти кулаков в колхозы и перевоспитания их в общественном производстве. Все это нанесло большой вред колхозному движению, привело к многочисленным извращениям ленинских идей и принципов кооперативно-колхозного строительства, в основе которых было допущение в широких размерах насилия по отношению к середняку — основной фигуре в деревне. Таким образом, в конце 1929 — начале 1930 г. все предыдущие решения партии, в том числе и сравнительно умеренные темпы колхозного строительства, намеченные в первом пятилетнем плане, по сути, были отброшены. По инициативе Сталина и его ближайшего окружения (особенно усердствовали Молотов и Каганович) был взят курс на чрезмерное форсирование коллективизации административными методами, создание преимущественно крупных (чрезмерно громоздких) колхозов и совхозов, свернуты все формы сельскохозяйственной кооперации и т. д. В первой декаде марта 1930 г. уровень коллективизации в стране достиг 57,6 %, в Сибири — 52,9 %. Сибирь явилась одним из районов, где порочные методы коллективизации получи-

¹⁵ См.: Исторический архив. 1962. — № 2. — С. 194.

¹⁶ Сталин И. В. Полн. собр. соч. — М., 1949. — Т. 12. — С. 169.

¹⁷ Там же. — С. 188.

ли под давлением центра особенно большой размах: здесь был принят авантюристический курс завершения коллективизации уже весной 1930 г., широко насаждались бумажные коммуны, происходило в широких масштабах насильственное обобществление всего скота. Раскулачивание значительно опережало темпы коллективизации и нередко использовалось как средство ее подстегивания. Так, в одной из информации органов ОГПУ Сибкрайкому партии сообщалось: «Кампании раскулачивания был придан характер штурма, партизанского налета... Наряду с этим не в единичных случаях задевался и середняк, даже бедняк, в том числе и бывшие красные партизаны и красноармейцы»¹⁸. В постановлении от 14 марта 1930 г. ЦК партии признавал, что «в число „раскулаченных“ попадает иногда часть середняков и бедняков, причем в некоторых районах процент „раскулаченных“ доходит до 15, а процент лишенных избирательных прав — до 15—20»¹⁹. Анализ конкретно-исторического материала подтверждает, что число таких районов было велико, и эти цифры приближаются к средним показателям по стране. Так, в Красноярском округе «раскулачено» около 17 % трудовых крестьянских хозяйств, в Канском округе среди раскулаченных было свыше 20 % середняков и т. д. Стоимость конфискованного весной 1930 г. у кулаков имущества была крайне мала — 326 руб. на хозяйство. Эти данные свидетельствуют (даже при учете таких факторов, как занижение стоимости кулацкого имущества при описи и значительном преднамеренном сокращении кулаками размеров своего хозяйства в 1929—1930 гг.), что «раскулачивались» значительные слои трудовых крестьян²⁰. Все вызвало серьезное недовольство и нередко противодействие крестьян, проявлявшееся в бегстве из деревни, в массовом забое скота, антиколхозных выступлениях, выходе из колхозов. В январе — первой половине марта, по неполным данным, в стране произошло около 1700 массовых выступлений, в которых участвовали более 500 тыс. чел. Во многих случаях недовольство крестьян использовалось кулаками в антисоветской и антиколхозной деятельности, в организации мятежей. С мест от крестьян поступало, особенно зимой — весной 1930 г., множество жалоб: на имя Сталина около 50 тыс., на имя Калинина — 85 тыс. К лету 1930 г. число крестьянских хозяйств в колхозах сократилось по сравнению с мартом в 2—3 раза, уровень коллективизации в стране и Сибири упал до 20—21 %.

Создавшаяся в деревне напряженная политическая обстановка поставила под угрозу, как признавалось в резолюции XVI съезда партии, саму основу «Советского государства — союз рабочего класса с крестьянством». Под давлением обстоятельств были приняты меры по устранению допущенных извращений. 2 марта 1930 г. был опубликован в «Правде» переработанный Примерный устав сельскохозяйственной артели (который, в частности, разрешал иметь колхозникам личное подсобное хозяйство), а также статья Сталина «Головокружение от успехов». Позднее, 14 марта, было принято постановление ЦК «О борьбе с искривлениями партлинии в колхозном движении». Сталин хотя и осудил допущенные извращения, но, во-первых, объединение (в значительной мере принудительно) к 20 февраля в колхозы 50 % крестьян расценивал как «серьезный успех», во-вторых, всю ответственность за допущенные извращения свалил на местных «головотяпов», у которых «закружилась голова от успехов, и они лишились на минутку ясности ума и трезвости взгляда»²¹.

Это в первое время вызвало известную растерянность среди местных работников, многих коммунистов, так как директивы на форсирование

¹⁸ ПАНО, ф. 3, оп. 2, д. 195, л. 212—213.

¹⁹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — М., 1984. — Т. 5. — С. 102.

²⁰ По данным гнездовой динамической переписи 1927 г., свыше 80 % кулаков Сибирского края владели собственностью только основных средств производства свыше 800 руб., почти 40 % — свыше 1600 руб. См.: Сибирский край: Стат. справочник. — Новосибирск, 1930. — С. 226—227.

²¹ Сталин И. В. Полн. собр. соч. — Т. 12. — С. 191, 199.

колхозного движения давали Сталин, Молотов, Каганович и ряд других руководителей партии, Колхозцентр (особенно его председатель Г. Н. Каминский), Наркомзем, а также «Правда», «Известия» и другие центральные газеты. Это отразилось в многочисленных обращениях по этому поводу в ЦК партии и лично к Сталину ряда руководителей местных партийных организаций (М. М. Хатаевич и др.), а также рядовых коммунистов, рабочих и крестьян. Голоса протеста прозвучали и из Сибири. Секретарь Барабинского окружкома партии Вальдин на заседании Сибкрайкома говорил: «Настроение у коммунистов такое, что с этим делом и тов. Сталин запоздал, что все эти искривления не первый день, и если исправлять, то нужно было бы по этому делу ударить значительно раньше... Настроения второго порядка, что сейчас отыгрываются на нас, на низах, стрелочниках»²².

Теперь становится очевидной справедливость этих высказываний: несомненно, что главную ответственность за допущенные извращения, насилие и надругательство над крестьянами несет Сталин и его ближайшее окружение. Вопрос о том, почему Сталин отошел от ленинского курса, извратил ленинские идеи о кооперативно-колхозном строительстве (на словах постоянно подчеркивая, что он последовательный ученик Ленина), а также о том, почему большинство ЦК партии в то время поддерживало его, оживленно дебатруется в современной литературе. Решающим, по-видимому, было то, что 1929 г. (год 50-летия Сталина, чрезмерно торжественно, с неумными восхвалениями отмеченного) был годом полного утверждения культа «вождя всех времен и народов»: он разгромил «правый уклон», куда были зачислены крупные деятели партии, которых высоко ценил Ленин, — Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский, — последние в то время возможные соперники Сталина в борьбе за руководство партией и страной; важнейшие решения по изменению политического курса он начинает принимать единолично, не обсуждая даже в ЦК партии. О сущности концепции правых будет коротко сказано ниже, сейчас же подчеркнем, что борьба против «правых», проводившаяся в 1928—1930 гг., начиная с 1929 г. все более из сферы идейного противоборства переходит в организационную сферу: в условиях культа личности любое несогласие с искусственным форсированием коллективизации квалифицировалось как проявление «правого уклона». М. И. Калинин отмечал, что местные работники форсируют темпы коллективизации не по доброй воле, а потому, что боятся, как бы их не обвинили в правом уклоне²³. В этих условиях формируется у работников психология «лучше перегнуть, чем недогнуть». Громить «правых» продолжали и после того, как на ноябрьском 1929 г. Пленуме ЦК они признали свои ошибки. О необходимости и впредь наносить «сокрушительные удары» по «правому уклону» говорилось на XVI съезде партии. Та же направленность была в решениях и деятельности сибирских партийных организаций. Среди руководящих работников Сибири не было открытых сторонников Бухарина, поэтому здесь был выдвинут лозунг борьбы «с правым уклоном на практике», что тоже приводило к искусственному форсированию колхозного движения.

Подчеркивая роль субъективных факторов, в то же время не следует забывать и об объективных обстоятельствах: трудность задачи, отсутствие опыта — путь «проб и ошибок», сопротивление классовых противников, происки империалистического окружения, культурная и экономическая отсталость, бюрократизм (засилие чиновничества) государственного аппарата и т. п. Это неоднократно отмечал В. И. Ленин. На IV конгрессе Коминтерна (ноябрь 1922 г.) он говорил: «Несомненно, что мы сделали и еще сделаем огромное количество глупостей... Почему мы делаем глупости? Это понятно: во-первых, мы — отсталая страна, во-вторых, образование в нашей стране минимальное, в-третьих, мы не получаем по-

²² История Сибири. — Новосибирск, 1965. — Т. IV. — С. 67.

²³ См.: Известия. — 1930. — 3 марта.

мощи извне. Ни одно цивилизованное государство нам не помогает. Напротив, они все работают против нас. В-четвертых, по вине нашего государственного аппарата. Мы переняли старый государственный аппарат, и это было нашим несчастьем. Государственный аппарат очень часто работает против нас...

Но внизу — сотни тысяч старых чиновников, полученных от царя и от буржуазного общества, работающих отчасти сознательно, отчасти бессознательно против нас»²⁴.

Четвертая проблема: Каковы были возможные альтернативы «сталинской» коллективизации? В современной литературе, как правило, выдвигаются два варианта: сталинский, тождественный троцкизму, и бухаринский, якобы полностью совпадающий с ленинским. Эти представления полностью противоречат оценкам, данным коллективизации в Программе КПСС, принятой на XXVII съезде, а также в докладе М. С. Горбачева, посвященном 70-летию Великого Октября. В действительности, на наш взгляд, дело обстоит значительно сложнее. Прежде всего — следует иметь в виду, что в многоукладной экономике в условиях нэпа действовали две объективные тенденции и, следовательно, два возможных, но принципиально отличных пути развития. На это неоднократно указывал В. И. Ленин. «Пока мы живем в мелкокрестьянской стране, — подчеркивал он, — для капитализма в России есть более прочная экономическая база, чем для коммунизма. Это необходимо запомнить. Каждый, внимательно наблюдавший за жизнью деревни, в сравнении с жизнью города, знает, что мы корней капитализма не вырвали и фундамент, основу, у внутреннего врага не подорвали. Последний держится на мелком хозяйстве. И чтобы подорвать его, есть одно средство — перевести хозяйство страны, в том числе и земледелие, на новую техническую базу, на техническую базу современного крупного производства»²⁵. О борьбе двух противоположных тенденций в развитии села говорилось в решениях XIII, XV съездов и других документах партии.

Если же иметь в виду пути социального преобразования деревни, то следует подчеркнуть многовариантность решения этой задачи. Многие авторы указывают на это, например В. П. Данилов выделяет, как минимум, три варианта — сталинский, бухаринский и вариант, намеченный в первом пятилетнем плане. Кроме этого, он считает, что необходимо научное изучение и варианта предлагаемого Троцким и его сторонниками²⁶.

Наша точка зрения в основном совпадает с позицией В. П. Данилова. Можно выделить следующие основные варианты. Первый — последовательное осуществление ленинских идей кооперативно-колхозного строительства. Второй — наиболее близкий к нему вариант первого пятилетнего плана. У этого варианта не нашлось последовательных защитников. Вначале, на ноябрьском 1929 г. Пленуме ЦК его в известной мере отстаивали Косиор и другие, но силы защитников были разрознены и слабы; большинство руководства партии поддержало сталинский курс.

Третий — бухаринский, «правооппортунистический» вариант. Интерес к идейному наследию Н. И. Бухарина в последние годы, особенно в связи с его реабилитацией, закономерно возрос. Вновь публикуются отдельные его работы, появилось множество публикаций о нем. Однако еще рано говорить о том, что бухаринская концепция получила научную интерпретацию, тем более, что во многих работах она анализируется не критически, полностью отождествляясь с ленинской. Обстоятельный анализ концепции Бухарина о проблемах социалистического строительства еще предстоит сделать, сейчас же лишь подчеркнем, что многие его взгляды о значении кооперации, недопустимости насильственных мер при преобразовании крестьянских хозяйств, о значении экономических мер, стимулов хозяйственной личной заинтересованности крестьянина,

²⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 290.

²⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 42. — С. 158—159.

²⁶ См.: Вопросы истории. — 1988. — № 3. — С. 23—24.

о постепенности процесса кооперирования крестьянства шли в русле ленинских идей о кооперации. Положительно также следует оценить критику «правыми» сталинских методов коллективизации и курса на утверждение культа личности. Однако, по-видимому, следует признать, что Бухарин и его сторонники не вполне диалектично оценивали изменившуюся обстановку конца 20-х годов, требовавшую ускоренных темпов создания индустрии (конечно, не тех чрезмерно форсированных, авантюристических темпов, которые Сталин выдвигал на XVI партийном съезде и в других выступлениях начала 30-х годов, и которые были не реальны и не могли быть осуществлены), несколько недооценивали значение производственного кооперирования и т. п.

Близкими к бухаринской концепции были взгляды профессора А. В. Чаянова и его сторонников, создавших теорию «кооперативной коллективизации», как медленного, эволюционного процесса развития различных форм сбытоснабженческой кооперации (при сохранении семейной кооперации в силу особой устойчивости крестьянского хозяйства), с постоянным обобществлением различных сторон крестьянского производства. В свете сегодняшнего курса партии на всемерное развитие различных форм подряда, в том числе и семейного, и индивидуального арендного подряда, а также разных форм кооперации научное, непредвзятое изучение концепции Чаянова, ее положительных сторон и недостатков представляет большой интерес. Возможно, чаяновскую концепцию можно выделить как самостоятельную альтернативу.

Четвертый — сталинский вариант, практически осуществленный, сущность которого была коротко изложена выше. Подчеркнем лишь, что сталинский вариант нельзя полностью отождествлять с троцкистским, хотя бы потому, что последний в научном плане до сих пор не изучался. Несомненно, что они имели общие черты, и это в известной мере признавал сам Сталин. В докладе на XVI съезде от отмечал, что «„левые“ загибы» (они проявлялись не только в конце 1929 и начале 1930 гг., а в принципе были характерной чертой сталинской концепции) «представляли некоторую, правда бессознательную, попытку возродить у нас традиции троцкизма на практике, возродить троцкистское отношение к среднему крестьянству»²⁷. Троцкистскую концепцию, видимо, можно рассматривать как самостоятельную, ее изучение затруднено по многим причинам, в частности потому, что пропаганда троцкистских взглядов была запрещена решением XV съезда партии.

Множественность возможных альтернатив очевидна, и поэтому все большее внимание исследователей занимает вопрос, почему победила сталинская позиция. Последний почти тождествен другому вопросу — почему утвердился культ личности Сталина. Это специальная тема и коснемся ее лишь в самых общих чертах. Субъективные факторы и главный из них — отрицательные личные качества Сталина, прозорливо отмеченные Лениным в «Завещании», конечно сыграли немалую негативную роль. Правы те исследователи (О. Лацис, Д. Волкогонов и др.), которые подчеркивают, что поворот такого масштаба, как отход от ленинских принципов социалистического развития, нельзя объяснить лишь личными качествами вождя. Этими факторами нельзя объяснить ту поддержку, которую получил тогда Сталин у большинства руководящего слоя партии, а также энтузиазм передовых слоев рабочего класса и крестьянства в строительстве социализма по сталинской модели. Д. Волкогонов выделяет комплекс причин: политическую неразвитость и деформацию подлинного народовластия, разрушение демократических основ; историческую («русская традиция» единоличия монарха, низкая политическая культура народа, отсутствие подлинно демократических традиций); гносеологическую — неизведанность пути; международную (происки империалистов, постоянная угроза нападения, способствовавшая централизации власти и усилению роли аппарата)²⁸.

²⁷ Сталин И. В. Полн. собр. соч. — Т. 12. — С. 357.

²⁸ См.: Вопросы истории. — 1988. — № 6. — С. 63.

Главной социальной объективной причиной утверждения культа Сталина О. Лацис справедливо считает преобладание мелкой буржуазии в населении (не только в крестьянстве, но и в рабочем классе): «Чем ниже исходный уровень развития страны, совершившей революцию, тем обширнее в ней слой молодого пролетариата и полупролетариата, легко поддающегося на псевдореволюционные призывы и авантюристические обещания выполнить „в два счета“ такие задачи, которые требуют долгих лет упорного труда»²⁹.

Пятая проблема: итоги коллективизации, ее влияние на экономическое и социальное развитие. Прежде всего следует иметь в виду, что извращения ленинских принципов кооперативно-колхозного строительства (по сути, отход от них) не были кратковременными актами конца 1929 — начала 1930 г. Они имели долговременный характер, концентрируясь во все более укрепляющемся господстве административно-командной системы с ее характерной чертой нарушения добровольности и переоценкой насилия. «Подстегивание» темпов коллективизации, широкое применение репрессивных мер против крестьянства, в том числе и колхозников, широко проявлялось и на последующих этапах, особенно в 1931—1933 гг. В 1931 — первой половине 1932 г. вновь широко практиковалось принудительное обобществление скота колхозников, во время хлебозаготовительных кампаний (особенно в 1931—1932 и 1932—1933 гг.) Репрессии коснулись сотен тысяч крестьян и колхозников после принятия «драконовского» закона от 7 августа 1932 г. об охране социалистической собственности (предусматривалось за хищение суровое наказание — «расстрел с конфискацией всего имущества с заменой при смягчающих обстоятельствах лишением свободы на срок не ниже 10 лет с конфискацией всего имущества»)³⁰. В колхозном строительстве на долгое время утвердились чуждые ленинским принципам кооперирования черты: администрирование и антидемократизм (колхозы, по сути, были огосударствлены), свертывание товарно-денежных отношений, внеэквивалентный обмен с государством, крайнее ограничение материальной заинтересованности колхозников в развитии общественного хозяйства, фактическое отчуждение производителя от собственности, подорвавшее заинтересованность в рачительном хозяйствовании.

Все это привело к пагубным последствиям: скоропалительно, в большой мере принудительно созданные колхозы (да и совхозы) в своей основной массе были слабыми, произошел массовый отток — бегство крестьян из деревни, сельскохозяйственное производство сократилось, а поголовье скота было истреблено более чем наполовину. В Сибири все эти негативные последствия сказались особенно рельефно. В результате удельный вес региона за годы первой пятилетки в валовом сборе зерновых в стране уменьшился с 10,6 до 8,3 %, в поголовье крупного рогатого скота — с 16,8 до 13,4 %, рабочих лошадей — с 19,3 до 16,3 %, овец и коз — с 23,5 до 13,3 %, свиней — с 13,6 до 12 %. Наиболее наглядным проявлением всех этих негативных последствий явился голод 1932—1933 гг., особенно сильно охвативший сельские местности Украины, Дона и Кубани, Среднего и Нижнего Поволжья, Южного Урала и Казахстана, унесший миллионы крестьянских жизней (по минимальным примерным оценкам голод унес 2—3 млн чел.)³¹. Голод затронул ряд районов Сибири. Приведу лишь один документ. В письме члена ЦК ВКП(б) В. Г. Фейгина от 9 апреля 1932 г. Г. К. Орджоникидзе сообщалось о резком сокращении скота и голоде в Барабинском районе Западной Сибири. В обследованных селах, сообщал автор, только 20—30 % колхозников сохранили коров. «Такого настроения, какое сейчас в деревне в связи с голодом и изыманием последней коровы и последних овец

²⁹ Коммунист.—1987.— № 18.— С. 90.

³⁰ Этот закон был написан лично Сталиным. См.: Сталин И. В. Полн. собр. соч., М., 1951.— Т. 13.— С. 409.

³¹ См.: Вопросы истории.— 1988.— № 3.— С. 129—130.

по контрактации, я давно уже не видел»³². И это произошло в Барабе — в жемчужине сибирского маслоделия, дававшего в лучшие годы до коллективизации свыше 40 % наиболее качественного экспортного масла страны. Положение в деревне удалось несколько выправить лишь во второй половине 30-х годов.

Вскрывая сейчас в условиях перестройки суровую правду о методах коллективизации, историки, конечно, не должны впадать в другую крайность — сводить историю колхозного строительства к извращениям и болезненным явлениям, последствия которых сказываются и поныне. Коллективизация создала новые общественные отношения в деревне, ликвидировавшие эксплуатацию; она все-таки способствовала созданию минимума средств и условий для форсированного развития индустриализации (высвободившиеся кадры работников, сырье, продовольствие). Она в конечном итоге привела к значительному повышению производительности сельскохозяйственного труда. Но эта сторона вопроса показана в литературе. Наши успехи в решении продовольственной проблемы были бы неизмеримо большими, если бы не тяжелые ошибки и извращения в методах колхозного строительства, допускавшиеся на различных этапах.

Шестая проблема: уроки опыта коллективизации. Прежде всего самый общий урок — урок правды: только подлинно правдивая история является настоящим учителем жизни. Опыт коллективизации учит, что цель построения социализма и средства ее достижения не могут находиться в противоречии. Как справедливо подчеркивается в тезисах ЦК КПСС к XIX конференции, «для нас далеко не безразличен вопрос не только о целях и ценностях социализма, но и о средствах их достижения, о человеческой цене, которую приходится за них платить»³³. Высокой цели — построения самого прогрессивного и справедливого общества должны соответствовать самые гуманистические, высоконравственные средства. Более конкретные уроки состоят в возрождении в полном объеме ленинских идей о кооперации, всестороннее развитие многообразных кооперативных форм в различных сферах, всемерное развитие кооперативных принципов в колхозах, а также совхозах и других формах производственной деятельности, восстановления подлинного демократизма и самоуправления во всех производственных коллективах. На этой основе надо решительно преодолевать формализм, шаблон, инертность, развивать социалистическую предприимчивость, возродить интерес к сельскохозяйственному труду, сделать работника подлинным хозяином земли. Только на этих условиях можно кардинально решить продовольственные проблемы и доказать преимущества социалистических принципов хозяйствования в земледелии.

Л. М. Горюшкин. Проблема коллективизации вызывает острейший интерес исследователей и широкой общественности. Ее осуществление, объявленное И. В. Сталиным как революция сверху, стало одним из главных проявлений губительного влияния культа личности, отступления от ленинского плана социалистического строительства. Последствия этого мероприятия — разрушение трудовых традиций и связей крестьян с землей, утверждение в деревне командно-административных методов руководства, отход от принципов социалистической демократии и законности. — усугубленные ошибками последующего времени, отрицательно сказываются на развитии сельского хозяйства и сегодня. Обсуждаемая проблема актуальна и в связи со стремлением ученых и публицистов до конца пересмотреть некогда утвердившуюся в нашей литературе сталинскую концепцию коллективизации и создать ее подлинно научную историю. В этом ключе следует рассматривать и доклад Н. Я. Гущина, осветившего ряд кардинальных вопросов. Его положительные стороны — рассмотрение в единстве процессов, происходивших в Европейской Рос-

³² Цитировано по: Ивницкий Н. А. Коллективизация сельского хозяйства в СССР: опыт, уроки, выводы. — М., 1988. — С. 20.

³³ Правда. — 1988. — 27 мая.

сии и Сибири, попытка раскрыть глубокую противоречивость и сложность этих процессов. В то же время доклад дает основания и для дискуссии по некоторым вопросам.

Говоря о неустойчивости зернового производства в стране в 1925—1928 гг., снижении темпов развития сельского хозяйства и сокращении его товарности, едва ли есть основания излишне драматизировать положение. Колебания сборов зерновых, характерные для мелкокрестьянского хозяйства, в общем-то не выходили в эти годы за пределы обычных, а поголовье скота непрерывно увеличивалось. Правда, возможности мелкокрестьянского производства были ограниченными по сравнению с потребностями растущей индустриализации, но они могли быть расширены в условиях нэпа путем дальнейшего постепенного и добровольного кооперирования крестьянских хозяйств. Уже в 1927 г. две трети всего товарооборота между деревней и городом находилось в руках кооперации.

Положение о том, что в конце 20-х годов «на базе нэпа в народном хозяйстве объективно возникли серьезные диспропорции (неутоленный товарный голод, рост дороговизны, острые инфляционные явления и т. п.)», нуждается в уточнении. Диспропорции возникли не столько «объективно» и «на базе нэпа», сколько на базе субъективных искажений нэпа, допущенных И. В. Сталиным и его окружением, а затем и отказа от этой политики, извращения ленинских принципов кооперативного строительства. Объективная необходимость заключалась в том, чтобы устранить допущенные нарушения (низкие заготовительные цены, не стимулировавшие рост крестьянского производства, закрытие рынков, конфискация у крестьян не только излишков, но и потребительского зерна), а не усугублять их скоропалительной коллективизацией и массовыми репрессиями. В этой связи рассуждения об «объективных обстоятельствах» социалистического преобразования деревни (трудность задачи, отсутствие опыта — путь «проб и ошибок», культурная и экономическая отсталость страны и др.) представляются малоубедительными.

Вопрос о последствиях и результатах массовой коллективизации нуждается в специальном исследовании. Не вызывает сомнений, что колхозы составляли и составляют поныне одну из основ нашей экономики и общественного строя. Но очевидно и то, что они были и в немалой степени остаются сегодня зараженными бациллами сталинизма в виде мелочной регламентации колхозного производства, бюрократизма и др. Можно лишь удивляться выдержке, восхищаться высокими качествами нашего колхозного крестьянства, сумевшего и в этих условиях проявить трудовой героизм, особенно в годы Великой Отечественной войны. Последствия коллективизации, видимо, следует разделить на непосредственные и отдаленные, учитывать, что на различных этапах исторического развития соотношение позитивного и негативного в этих последствиях было неодинаковым.

Позитивное связано прежде всего с трудовой деятельностью масс, негативное — с пережитками сталинизма. Чтобы дать простор первому, необходимо устранить второе и чем скорее мы это сделаем в процессе перестройки, тем быстрее решим продовольственную проблему в стране. И последнее в этой связи. Сегодня читателя «не возьмешь на веру», он требует доказательств, подтверждения фактами. В таком подтверждении нуждаются и положительные стороны процесса коллективизации, в частности тезис о том, что она «привела к значительному повышению роли сельскохозяйственного труда».

В своем выступлении я хотел бы также поставить вопрос о необходимости возрождения в наши дни земледельческих и промысловых трудовых традиций среди колхозников и рабочих совхозов. Как известно, в условиях административно-командной системы руководства сельским хозяйством земледельческие работы выполнялись по указке сверху, детально регламентировались (когда, что и сколько сеять, какой должна быть глубина вспашки и т. д.). Эта порочная система не изжита до конца и сегодня. Вред ее очевиден. Она вызывает равнодушие сельских тружеников к

земледельческому труду, гасит их инициативу и творчество, ведет к нарушению норм агротехники, воспитывает неуважение к народным земледельческим традициям. Наряду с другими причинами это подтачивает интерес и любовь сельской молодежи к работе земледельца и скотовода, способствует ее оттоку из деревни. Порождаемые командными методами равнодушие и формальное отношение сельских тружеников к своим обязанностям, в свою очередь, создают новую почву для администрирования и бюрократизма.

Между тем российское крестьянство накопило большой и ценный опыт народной агрономии, творческого отношения к обязанностям хлебопаша. Хорошо зная «требования» и свойства земледельческих культур, крестьяне выбирали участки под посевы каждой из них с учетом рельефа местности, направления ветров, расположенности по отношению к солнцу и пр. Со знанием конкретных климатических, почвенных и других условий, места и времени они определяли сроки пахоты и сева, нормы высева и чередование культур на том или ином участке, наблюдали за посевами, учитывая влияние природных факторов на урожай на разных стадиях созревания хлебов. В деревне были широко распространены деревенское зодчество, различные ремесла по производству предметов быта и украшений.

Переселяясь из центра страны в Сибирь и другие отдаленные регионы, крестьяне переносили накопленный ими опыт и творчески приспособляли его к новым условиям, вырабатывали приемы земледелия в экстремальной обстановке рискованного земледелия. Словом, в процессе многовекового накопления земледельческого опыта крестьянство создало своеобразную сельскохозяйственную и промысловую народную «академию», которую с молодых лет проходил каждый земледелец. До массовой коллективизации использованию этого опыта придавалось большое значение, но с распространением командно-административных методов руководства сельским хозяйством о нем стали забывать.

Сегодня представляется важным развернуть в деревне широкую и систематическую работу по возрождению народных земледельческих и промысловых традиций, воспитанию уважительного и творческого отношения к сельскохозяйственному труду, развитию инициативы и самостоятельности земледельцев. Наряду с перестройкой руководства сельским хозяйством, экономическими и другими мерами немалую роль в этом может сыграть использование земледельческого и промыслового опыта, народных традиций. Благоприятные условия для этого создаются с распространением в деревне арендных коллективов, которые повышают заинтересованность работников в земледельческом труде и творческом к нему отношении, в использовании достижений народной и научной агрономии.

В связи с этим историкам предстоит исследовать вопрос о земледельческих и промысловых трудовых традициях в деревне в годы советской власти. М. М. Громыко, В. А. Александров и другие исследователи обстоятельно показали сущность и общественную значимость сельскохозяйственных трудовых традиций, каналы их передачи последующим поколениям. Но применительно к советскому времени данная проблема еще не поставлена. Что представляли собой эти традиции, что они имели общего и различного по сравнению с дооктябрьским периодом, как повлияли на их развитие условия военного коммунизма и нэпа? С устранением единоличного хозяйства и осуществлением массовой коллективизации, распространением командных методов руководства сельским хозяйством были утрачены трудовые традиции в том виде, в каком они существовали до 1930-х годов. Сложились ли новые коллективистские сельскохозяйственные трудовые традиции, каковы их сущность и каналы трансляции последующим поколениям?

Как известно, до 1917 г. и затем в 1920-е годы накопленный многими поколениями сельскохозяйственный опыт передавался молодым через непосредственное участие в труде (дети крестьян рано начинали рабо-

тать), через крестьянскую общину, семью, аграрные праздники, сельскую начальную школу и т. д. Какие из этих каналов исчезли, трансформировались или появились новые в условиях колхозной деревни? Какие еще причины, кроме командных методов управления, повлияли на ослабление и даже утрату сельскохозяйственных и промысловых трудовых традиций? Правильные ответы на эти вопросы позволят избежать прошлых ошибок и учесть все позитивное для возрождения этих традиций. Главный путь их возрождения — заинтересованность колхозников и рабочих совхозов в труде, повышении его производительности и использовании всех факторов, которые способствуют этому повышению, в том числе и опыта народной агрономии, народных промыслов.

Перед представителями сельскохозяйственной и других наук, видимо, встанут вопросы о соотношении и стыковке народного опыта с современными научными достижениями, способах их комплексного использования. Следует подумать о том, чтобы укрепить и расширить каналы передачи, трансляции данного опыта; возможно предусмотреть его изучение в сельскохозяйственных вузах и техникумах, а может быть и в общеобразовательных сельских школах, в кружках молодых земледельцев и т. п. Основными каналами использования старого опыта и накопления опыта нового, современного, передачи его последующим поколениям, вероятно, могли бы стать семья и бригада, занятые семейным, бригадным и другими формами арендного подряда.

А. Т. Москаленко. В. И. Ленин смотрел на социализм как на строй цивилизованных кооператоров при общественной собственности на средства производства и подчеркивал исключительную важность непосредственного, сознательного участия трудящихся в управлении производством и всеми общественными делами, указывал на необходимость превращения работника в «сохозяина» общественного производства, а члены общества при социализме становятся не только работниками, но и сособственниками основных средств производства. Однако в обстановке утвердившегося культа Сталина не было возможности развернуть поиск необходимых форм и методов реализации этих идей.

Отказ Сталина от ленинского плана строительства социализма и устранение от коллективного руководства государством и партией ближайших соратников В. И. Ленина, в конечном итоге, привело к тому, что в руках Сталина была сосредоточена неимоверно большая власть, способствовавшая практическому становлению чрезмерно централизованного управления общественным производством, а реальное обобществление, предполагающее прямое участие самих производителей в управлении производством и распределении производственного продукта, не было осуществлено в должном виде: участие в нем «ассоциированных производителей» в ряде аспектов либо отсутствовало вообще, либо было явно недостаточным. «Тогда, — отмечает М. С. Горбачев, — уверовали в универсальную эффективность жесткой централизации, в то, что командные методы — самый короткий, лучший путь к решению любых задач. Это сказывалось на отношении к людям, к их жизненным условиям»³⁴. При таких обстоятельствах шло становление так называемой командно-административной системы, при которой все больше усиливалось отчуждение трудящихся от общественной собственности на орудия и средства производства, отчуждение от политической власти, завоеванной трудящимися победой в социалистической революции. Командно-административная система и насаждающиеся при ней методы строительства социализма были серьезным препятствием становлению подлинно социалистических, общественных отношений, явились основной причиной существенной деформации социализма как общественного строя.

В условиях утвердившихся командно-административных методов и стиля строительства социализма «трудящийся народ», говоря словами

³⁴ Горбачев М. С. Октябрь и перестройка: революция продолжается // Коммунист. — 1987. — № 7. — С. 13.

Ф. Энгельса, не стал «совокупным собственником домов, фабрик и орудий труда»³⁵. Собственническая функция трудящихся в условиях командно-административной системы практически не приобрела существенного значения и сколько-нибудь развитых форм проявления. Работник был поставлен в положение только работника, исполнителя заданий, не включенного в объективные отношения владения, пользования, распоряжения, распределения, присвоения и потребления. Сложилось так, что частные собственники давно экспроприированы, а «совокупный собственник» свою естественную функцию не исполняет или исполняет слабо и sporadически. Не свойственное социализму отчуждение работника от средства производства явилось основной причиной, стабильно проявляющейся и в большом количестве фактов бесхозяйственности, нераспорядительности, безответственности, пассивности и апатии, серьезных просчетов и ошибок в хозяйствовании, как основной базовой сфере деятельности общества. Никакие мероприятия по «воспитанию чувств хозяина» у трудящихся при отсутствии материальной основы не были и не могли быть эффективными.

Современный этап перестройки социалистических общественных отношений заключается прежде всего в том, чтобы на основе общественных по своей сути форм собственности общество получило возможность превратить каждого своего члена в подлинного совладельца средств производства, хозяйства. Превращение этой возможности в действительность предполагает фактическое, а не формальное соединение непосредственного производителя со средствами производства, фактическое и полное осуществление им своих функций управления, власти. Наиболее важными практическими шагами, направленными на реализацию указанной цели, являются принятые законы: «О государственном предприятии (объединении)», «О кооперации в СССР», введение полного хозрасчета и самофинансирования, широкое использование арендного подряда и др. Эти мероприятия направлены прежде всего на то, чтобы значительно поднять заинтересованность и ответственность как отдельных коллективов, так и каждого труженика в результатах своей деятельности. Они находят свое проявление тогда и поскольку, когда и поскольку налажена полная и тесная связь между результатами хозяйствования коллектива и общества и трудовыми усилиями, эффективностью использования общественных средств производства, их сохранностью и приумножением.

Эффективность перестройки социалистических общественных отношений зависит прежде всего от того, насколько глубокие изменения будут произведены в базисных, экономических отношениях и прежде всего в отношениях собственности. Формальное огосударствление собственности, как показывает опыт прошлого, неизбежно приводит в действие механизм торможения, порождающий бюрократизм, многочисленные управленческие надстройки, которые всем командуют и ни за что материально не отвечают. Критерием выбора форм собственности в условиях перестройки должно быть то, как в них на практике соединяются личные и общественные, общегосударственные и местные, отраслевые и общенародные интересы. Самоуправление предприятий, самофинансирование и самоокупаемость, по сути, разделяют функции собственника и хозяина средств производства. Государственная собственность как бы передается в аренду коллективам предприятий, материально отвечающих за ее эффективное использование и приумножение. Находясь не только под контролем государства, но и в руках коллектива, собственность обретает своего конкретного хозяина — трудовой коллектив. Перестройка отношений собственности, ее основная цель и задача состоят в том, чтобы поставить зависимость от состояния и величины общественной собственности.

В. И. Шинкин. В отечественной историографии давно утвердилось правильное мнение о том, что достижения и недостатки в изучении истории советского общества во многом определяются тем, насколько исследо-

³⁵ Маркс К., Энгельс Ф. — Соч. — 2-е изд. — Т. 18. — С. 278.

ватели глубоко освоили теоретическое наследие В. И. Ленина, насколько продуктивно используют его в своей работе. Точно так же в сочинениях советских историков нет недостатка в клятвах верности ленинским методологическим принципам. Можно сказать, такие заверения стали своеобразной ритуальной нормой. Однако нужно признать, что формально декларируемый пиетет не послужил реальной гарантией подлинно научного отношения к теоретическому творчеству В. И. Ленина. В историографической практике оно претерпело немало как догматических огрублений, так и произвольных интерпретаций, граничащих с прямым искажением.

В частности, серьезным деформациям подверглись взгляды В. И. Ленина по вопросу о роли кооперации в социалистическом строительстве. Как известно, они трансформировались в так называемый ленинский кооперативный план, в соответствии с которым кооперация рассматривалась лишь как средство для социалистического преобразования сельского хозяйства.

Такая интерпретация взглядов В. И. Ленина вызывает возражения. Текст ленинской статьи «О кооперации» не оставляет сомнений в том, что в действительности В. И. Ленин считал нужным вовлечь в кооперацию не одно крестьянство, а поголовно все население, охватить ею как село, так и город, рабочий класс. Это во-первых. Во-вторых, В. И. Ленин отнюдь не считал социалистическими лишь высшие формы производственной кооперации — колхозы. Такого обособления и тем более противопоставления одних форм кооперации другим у В. И. Ленина нет. Напротив, всю систему кооперативных организаций он рассматривал как некое единое целое и качественную определенность, писал, что «кооперация в наших условиях сплошь да рядом совпадает с социализмом»³⁶.

Неправомерными представляются попытки отдельных исследователей рассматривать все суждения В. И. Ленина по вопросам кооперации как составную часть ленинского кооперативного плана. Ведь при таком подходе начало разработки плана будет относиться к концу XIX столетия, а история его разработки насчитывать около четверти века!

Еще категоричнее следует высказаться против попыток квалифицировать аграрно-крестьянскую политику, которую проводили в жизнь Коммунистическая партия и Советское государство после смерти В. И. Ленина, как дальнейшее развитие его кооперативного плана. Убежден, В. И. Ленин не нуждается в подобных «приписках». Точно так же не следует осыпая и прикрывать ленинским именем то, к чему он не имел никакого отношения.

Видимо, нуждается в коррекции оценка XV съезда ВКП(б), как взявшего курс на коллективизацию сельского хозяйства и тем более как съезда коллективизации. Напомним, что в повестке дня съезда вопрос о коллективизации не стоял. Он обсуждался лишь попутно, в контексте более общего вопроса о работе в деревне. Никаких специальных решений по этому поводу также не принималось. Хотя задача объединения и преобразования индивидуальных крестьянских хозяйств в крупные коллективы провозглашалась XV съездом, основной объем намеченной на пятилетку работы не должен был привести к принципиальному изменению социального облика деревни. Как указывалось в резолюции съезда, индивидуальное крестьянское хозяйство «еще длительное время будет базой всего сельского хозяйства...» Значительно больше оснований квалифицировать как курс на коллективизацию решения ноябрьского (1929 года) пленума ЦК ВКП(б), который был первым партийным форумом, специально рассмотревшим этот вопрос. При таких оценках намного понятнее будут те реальные трудности и сложности, с которыми протекала и которыми увенчалась массовая коллективизация сельского хозяйства в нашей стране.

³⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч. — Т. 45. — С. 376.

В течение десятилетий в советской исторической литературе утверждалось, что коллективизация явилась реализацией ленинского кооперативного плана, решений XV съезда партии. В публикациях В. П. Данилова и О. Р. Лациса такая точка зрения развенчана, убедительно показано, как на протяжении 1928—1929 гг. Сталин и его окружение совершили отход от коллективно выработанной на XV съезде политической линии, перешли к искусственному форсированию социалистического строительства с широким использованием методов принуждения.

Отказ от нэпа на рубеже 20—30-х годов современные апологеты Сталина объясняют резким ухудшением международного и внутреннего положения СССР. Такие аргументы нельзя признать доказательными, поскольку ситуация, в которой Советская республика оказалась весной 1921 г., была несравненно тяжелее, нежели в 1928—1929 гг. Однако примерно в аналогичной обстановке В. И. Ленин и И. В. Сталин, как видим, приняли прямо противоположные решения. Закономерно, что столь же несовпадающими были непосредственные социально-экономические и политические результаты политики, которая проводилась в деревне в период нэпа и в условиях массовой коллективизации.

Непредвзятое изучение теоретических взглядов Н. И. Бухарина и его сторонников позволило снять с них тягчайшее обвинение в идеологическом выражении и защите интересов кулачества. Политическая линия группы Бухарина признана альтернативой социалистического характера. Таким образом, есть все основания покончить с историческим мифом о «правом уклоне» в ВКП(б).

В то же время, на наш взгляд, за группой Н. И. Бухарина можно сохранить старое название, правда, наполнив его принципиально иным содержанием. Ее правомерно по-прежнему называть «правым уклоном» потому, что взгляды Н. И. Бухарина и его сторонников по вопросам социалистического строительства были правильными (и в этом смысле они являлись «правыми»), но не стали господствующими в партии, а представляли собой всего лишь уклон от так называемой генеральной линии того времени.

Много внимания в современной литературе уделяется вопросу о причинах, по которым массовая коллективизация и ликвидация кулачества как класса проходили с огромными издержками, дались столь дорогой ценой. Думается, что в данном случае историки не в полной мере учитывают негативное влияние мелкобуржуазного революционаризма и потребительно-уравнительных настроений, носителями которых были достаточно широкие слои деревни: батраки, бедняки, низовой партийный и советский актив. В большинстве случаев именно они были непосредственными инициаторами и исполнителями необоснованного раскулачивания, скороспелого создания коммун, применения принудительных мер по отношению к колеблющимся. Именно на поддержку этих слоев населения рассчитывал И. В. Сталин, делая ставку на форсирование массовой коллективизации. И этот расчет во многом оправдался.

Традиционно создание колхозного строя в СССР историки трактовали как воплощение ленинского кооперативного плана, оценивали как революцию, равнозначную по своим последствиям Октябрьскому перевороту 1917 г. Для меня очевидна несостоятельность обоих выводов. Строй коллективизированных кооператоров, о котором мечтал В. И. Ленин, и колхозный строй далеко не тождественны: первый несравненно шире и богаче второго. Особенно если иметь в виду колхозы 30—50-х годов.

Признавая за коллективизацией значение коренного переворота во всем укладе жизни крестьянства на принципиально новых основах, нельзя считать ее и Октябрьскую революцию явлениями одного порядка. Причины возникновения такого некорректного сравнения понятны. И. В. Сталину для утверждения своей фигуры в качестве вождя партии и народа необходима была «собственная» революция, равновеликая Октябрьской и приближающая его к В. И. Ленину. И миф о такой революции был неизбежно создан. Сегодня настала пора его окончательного преодоления.

А. И. Федоров. Считаю организацию обсуждения проблемы коллективизации сельского хозяйства в СССР с участием большинства сотрудников ИИФФ актуальной по двум причинам: во-первых, сама по себе коллективизация как факт истории не получила научного осмысления, (и на этой основе!) объективно правильной оценки ее в исторической науке нет; во-вторых, современное состояние сельского хозяйства в СССР с его низкой культурой труда и неорганизованностью — это результат той инерции его падения, которую задала сталинская политика насильственной коллективизации крестьян, теоретически не обоснованная, авантюристическая.

Историки и экономисты, аграрники нашего времени, на конкретном материале архивных источников и статистических данных обязаны изучить результаты коллективизации, чтобы помочь выработать на научной основе программу развития современного (не на словах, а на деле!) социалистического сельского хозяйства.

Прежде всего выскажу свои основные претензии к содержанию некоторых положений доклада Н. Я. Гущина.

Н. Я. Гущин негативно характеризует мнение публицистов о коллективизации, считая, что они, эти мнения, ненаучны, необоснованны, носят или субъективно-эмоциональный, или умозрительный характер: публицисты не располагают надежными источниками. Можно ли с этим согласиться?

Во-первых, публицисты публицистам рознь: ряд публицистов строит свои доказательства на реальных фактах, на теоретических положениях работ Чаянова, Кондратьева о сельской семье как экономической ячейке, которая, приспособляясь к местным географическим условиям и экономическим отношениям внутри сельской общины, стихийно выработала рациональный опыт ведения хозяйства, регулируя распределение рабочих рук (лишние для несезонных деревенских работ члены семьи уходили на отхожие промыслы и т. п.), стойко переживая любые неудачи и потери; на положениях из этих работ об экономической целесообразности товарно-денежных отношений в сельской кооперации, что дало бы возможность гармонически развивать и промышленность, и сельское хозяйство, удовлетворяя запросы сельских труженников и промышленные нужды в сельскохозяйственном сырье, потребности в продовольственных товарах жителей городов.

Все публицисты и экономисты справедливо считают, что нельзя развивать одну часть хозяйства за счет другой: и промышленность, и сельское хозяйство — это части общей экономической системы, гармонически связанные, взаимообусловленные. Сталин и его последователи не посчитались с этим положением. И мы сейчас продолжаем пожирать горькие плоды его политики.

Упрекая публицистов в том, что они не располагают историческими источниками, Н. Я. Гущин и сам в значительной мере страдает в аргументации своих утверждений: источниковедческая база его ограничена, хотя это не его вина, а беда, как любого историка-исследователя, лишенного свободного доступа ко всем историческим источникам и статистическим материалам 30—50-х годов. А без этого не только невозможно объективно проанализировать процесс коллективизации и его последствия, но даже установить критерии такого, казалось бы простого, понятия, как «кулак». Докладчик сообщил, что в среднем имущество и все хозяйство раскулаченных оценивалось от 320 до 500 руб., в то время как хозяйство европейского крестьянина оценивалось в 900 руб. Простое сопоставление этих цифр наводит на горькие размышления: репрессированы и физически уничтожены миллионы наиболее инициативных и трудолюбивых крестьян, которые своим трудом обеспечивали себе минимальный достаток.

Н. Я. Гущин не мог в докладе сообщить о многих негативных явлениях политики коллективизации (да и сделать это невозможно в таком жанре, как научный доклад!). Называю главные из них, известные мне по детским впечатлениям от родной деревни периода коллективизации

и последующим событиям сельской жизни довоенного и послевоенного времени.

Коллективизация проходила в условиях жесточайшего террора по отношению не только к раскулаченным, но и к тем середнякам и беднякам, которые сомневались в разумности мероприятий сельских властей, недалеких, полуграмотных активистов, и главное — райкомов и райисполкомов. Любое сомнение расценивалось как кулацкая агитация и происки врагов народа. Вот некоторые примеры: Русские крестьяне Севера и центральной части России, зная, что плодородный слой почвы в этих местах неглубок, всегда пахали землю мелко, тем самым, сохраняя этот слой и структуру почвы, поддерживали севооборот. Этим мнением высокомерно пренебрегли сельские власти. Безумные волюнтаристские решения, исходившие от партийных органов и пропагандируемые борзописцами-публицистами тех времен, пахать землю как можно глубже, привели к тому, что этот плодородный слой был запахан, разрушалась ее структура. Перестал соблюдаться севооборот. По распоряжению райкомов и исполкомов началась раскорчевка лесов под так называемые «культурные выгоны». Что могли дать почвы из-под напрасно загубленных лесов? Образовались зоны запустения, заросшие мелким кустарником и обезображенные раскорчевкой.

Начиная коллективизацию, сельские партийные пропагандисты и мобилизованные рабочие «двадцатипяти тысячники» и другие посланцы из городов обещали механизировать сельский труд, обеспечить колхозы тракторами, косилками, молотилками и тем самым увеличить доходы колхозников (по сравнению с единоличным хозяйством) в 2—3 раза. Машин в первые колхозные годы поступало мало. Они быстро портились. Труд продолжал оставаться ручным, а производительность его низкой.

В колхозах до середины 30-х годов существовала «уравниловка» в оценке труда: по сигналу бригадира люди, получившие наряд на работу, шли на сенокос, на пахню и т. п., работали все вместе и независимо от того, кто сколько сделал за рабочий день, бригадир подневно начислял каждому трудодни. Такой способ учета лишил наиболее способных и трудолюбивых колхозников стимула к честному интенсивному труду. Низжайшая оплата труда (в колхозах Нечерноземья крестьяне обычно получали не более 200—300 г плохого зерна на трудодень и почти ничего другого), налоги на домашний скот, птицу (даже на яблони в огороде!). И это из года в год. Без просвета... Потеряв надежду на возможность прокормить семью трудом на колхозном поле, крестьянин старается использовать свой приусадебный клочок земли. Но и этот скудный надел земли возле дома и двора колхозника часто сокращали, «обрезали излишки». А на этих «обрезках», никем не использованных, потом густо разрасталась крапива.

Крестьянин понял, что его обманули, «загнали в ловушку». Моральное состояние большинства крестьян уже в предвоенные годы было постоянно тяжелым. Крестьянин не видел выхода из положения. Ведь, если даже и были урожайные годы, председатель колхоза, выполнив так называемую «первую заповедь», не мог распределить оставшуюся часть урожая по трудодням. Его принуждали компенсировать невыполненный другими колхозами района план поставок. Крестьянин смирился с положением послушного исполнителя чужой воли: заставляли запахивать клевера и сеять кукурузу, хотя она и не родилась, — запахивал и сеял; оставался под снег лен, весной его заставляли сжигать и на этом же месте, на пожарище, опять сеять лен — делал и это, чтобы следующей весной опять сжечь его. Сизифов труд в продолжение десятилетий... Так было до недавнего времени в большинстве колхозов Калининской, Вологодской, Новгородской областей.

Крестьянин в сталинские времена (да и после тоже!) был бесправной личностью. (Он не мог переехать в город, не имел даже паспорта!) Он был лишен права самостоятельно думать об улучшении колхозного хозяйства. Высказывать свои мысли на собраниях. Все предписывалось сверху,

от мудрого вождя до секретаря райкома. В результате исчез интерес к колхозным собраниям.

Резкое падение престижности сельского труда, совершенно необеспеченная старость (пенсии в предвоенные годы колхозникам не платили); нищета и бесправие подорвали нравственные устои колхозников: стало входить в повседневный быт воровство, пьянство и систематические прогулы. Мать-земля стала для мужика мачехой. И когда в 50-е годы появилась возможность получить паспорта, началось массовое бегство из колхозов. Заросли чертополохом огороды и приусадебные участки....

Авантюризм и преступная жестокость сталинской политики коллективизации, бездарная аграрная политика Хрущева, «мерзость запустения» брежневских времен — все это привело наше сельское хозяйство в кризисное состояние. Как выйти из этого состояния? Этот вопрос начинает решаться, но еще очень далек до той меры решения, которая необходима нашему обществу.

Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо подробно и непредвзято изучить историю коллективизации советской деревни и историю запустения и развала колхозов. Историки к этому пока не готовы. Ведь до недавнего времени свою задачу в этой проблеме они сводили к тому, чтобы любыми средствами доказать преимущества колхозного строя перед единоличным хозяйством, свободно обращаясь с источниками и покорно следуя за политическими установками. Поэтому их труды были удивительно похожи друг на друга, а читали их только историки, и то только те, которые специализировались на истории коллективизации.

В. А. Жданов. Историкам еще предстоит проделать колоссальную работу по объективному научному исследованию причин массовой коллективизации крестьянства в СССР, вопрос же о ее социально-экономических и политических последствиях может быть решен уже сейчас. Ответ на этот вопрос логически вытекает из анализа стоимостных обменов между городом и деревней в конце 20-х — начале 30-х годов. В советской исторической литературе уже предпринимались достаточно плодотворные попытки изучения их балансов, в частности, в работе А. А. Барсова³⁷. В ней доказывалось, что капиталовложения в промышленность в годы первой пятилетки на 33,4 % осуществлялись за счет прибавочного продукта, созданного в сельском хозяйстве, а в годы второй пятилетки они составили 20—25 %.

Следует, однако, отметить, что для исследователя-марксиста анализ баланса стоимостных обменов между различными секторами экономики является важным, но недостаточным. Он необходимо должен быть дополнен классовым анализом.

Снижение доли чистых поступлений из сельского хозяйства на нужды индустриализации в балансе стоимостных обменов (в 1932 г. они составили 18,1 %) советские исследователи справедливо связывают с увеличением поставок промышленностью селу средств сельскохозяйственного производства. Вместе с тем не учитывается такое немаловажное обстоятельство, что эти поставки адресовались не крестьянским хозяйствам и даже не колхозам, а преимущественно МТС — органам государства в деревне. В результате увеличившаяся масса прибавочного продукта сельского хозяйства, взятого у крестьянства (среднегодовое его перераспределение в 1929—1932 гг. было по абсолютным размерам на 27 % больше, чем в 1928 г.), перекладывалась из одного, городского кармана государства в его другой, сельский карман, отнюдь не попадая в измененной вещественной форме обратно в карман крестьянина. Таким образом, относительная благопристойность баланса стоимостных обменов между городом и деревней в рассматриваемый период скрывает за собой значительно менее благопристойную картину ограбления крестьянства как класса.

³⁷ Барсов А. А. Баланс стоимостных обменов между городом и деревней. — М., 1969.

В зарубежной исторической литературе достаточно широко распространена концепция, связывающая проведение коллективизации с якобы реализацией на практике троцкистской теории «первоначального социалистического накопления». Советские исследователи, ссылаясь на В. И. Ленина, называвшего сам этот термин «детской игрой в копирование терминов, употребляемых взрослыми»³⁸, справедливо критикуют эту концепцию, указывая, что в ее основе лежит уподобление законов развития социалистической экономики законам развития экономики капиталистической. При этом, как правило, цитируется К. Маркс, а именно строки из первого тома «Капитала», в которых говорится, что «в истории первоначального накопления эпоху составляют перевороты, которые служат рычагом для возникающего класса капиталистов, и прежде всего те моменты, когда значительные массы людей внезапно и насильственно отрываются от средств своего существования и выбрасываются на рынок труда в виде поставленных вне закона пролетариев»³⁹. Так как ситуация в советской деревне в начале 30-х годов никак не напоминает ситуацию, существовавшую в английской деревне начала шестнадцатого века, к которой относятся эти строки К. Маркса, то делается правильный вывод о том, что в СССР в этот период не было первоначального капиталистического накопления, ни тем более первоначального накопления социалистического.

Однако более внимательное изучение взглядов К. Маркса на эту проблему позволяет сделать вывод, что он не связывал экспроприацию крестьянства только лишь с созданием капиталистических производственных отношений, а рассматривал ее в более широком историческом контексте. В письме В. Засулич он отмечал: «Чтобы экспроприировать земледельцев, нет необходимости изгнать их с земель, как это было в Англии и других странах; точно так же нет необходимости уничтожить общую собственность посредством указа. Попробуйте сверх определенной меры отбирать у крестьян продукт их сельскохозяйственного труда — и, несмотря на вашу жандармерию и вашу армию, вам не удастся приковать их к полям! В последние годы Римской империи провинциальные декурионы — не крестьяне, а земельные собственники — бросали свои дома, покидали свой земли, даже продавали себя в рабство, только бы избавиться от собственности, которая стала лишь официальным предлогом для беспощадного и безжалостного вымогательства»⁴⁰. Паспортная система, введенная в СССР в конце 1932 г., была прежде всего направлена на то, чтобы остановить бегство из деревни ее жителей. Массовая коллективизация была ничем иным, как советским вариантом экспроприации крестьянства.

В настоящее время много говорится и пишется об экономических последствиях коллективизации, подорвавшей производительные силы советского сельского хозяйства и породившей перманентный дефицит продовольствия. Гораздо меньше упоминаются ее социальные и политические последствия. В лучшем случае указывают на гибель в результате голода и депортаций миллионов крестьян, отмечают, что это явилось проблемным камнем для дальнейших репрессий. Однако связь между коллективизацией и террором середины 30-х годов носила гораздо более глубокий причинно-следственный характер, чем просто характер заразительности дурного примера.

Сосредоточение в руках государства после устранения последних самостоятельных товаропроизводителей всех производственных ресурсов и, соответственно, полной свободы манипулирования ими, резкое ограничение в результате введения паспортной системы мобильности населения, большая часть которого при этом оказалась вновь прикованной к земле, создали сталинскому политическому режиму, начиная с 1933 г., адекватное ему социально-экономическое основание.

³⁸ Ленинский сборник, XI.— С. 375.

³⁹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч.— 2-е изд.— М., 1960.— Т. 23.— С. 728.

⁴⁰ Там же.— М., 1961.— Т. 19.— С. 408.

В. А. Ильных. При рассмотрении проблем коллективизации необходимо обратиться к ее предпосылкам. После восстановления сельского хозяйства и замедления темпов его роста встала задача поиска моделей дальнейшего развития аграрного сектора экономики. Эти поиски определялись также противоречиями и негативными процессами того периода. В деревне нэп не был «золотым временем», как это иногда пытаются изобразить. Достаточно назвать кризис сбыта 1923 г., кредитную депрессию 1925/26 г., имущественную и социальную дифференциацию крестьянства, которая вела к реальным внутрикрестьянским противоречиям, налоговые затруднения, перманентные, в том числе и в середине 20-х годов, трудности в заготовках хлеба и других сельхозпродуктов, сезонные колебания заготовительных цен, значительная разница между рыночными и государственными заготовительными ценами. В основе заготовительных затруднений лежат противоречия между государством и крестьянством в целом. Безусловно, эти противоречия были менее остры применительно к бедноте и более остры применительно к зажиточным слоям деревни. Однако все кризисы хлебозаготовок и в 1918 г., и в начале 20-х годов, и в середине, и в конце 20-х годов (да и после введения Временным правительством в марте 1917 г. хлебной монополии) определялись нежеланием сдавать государству хлеб по низким ценам со стороны большинства его производителей. С 1928 г. это естественно-экономическое поведение среднего и зажиточного крестьянства, которое, следуя марксистской теории, можно назвать экономической формой классовой борьбы, стало определяться как осознанное контрреволюционное действие, т. е. как акт борьбы политической, причем только со стороны кулачества («кулацкий хлебный саботаж»). Отсюда и выбор политических способов решения хлебозаготовительных трудностей, отсюда и переход к насильственным формам политики ликвидации кулачества как класса. «Политизация» классовой борьбы, восприятие любого социально отклоняющегося поведения как осознанно антисоветского послужило впоследствии и основой принятия драконовского аграрного и трудового законодательства.

Говоря о кризисе хлебозаготовок 1927—1928 гг. как о побудительной причине введения чрезвычайных мер, следует иметь в виду, что по чисто количественным параметрам «хлебная стачка» мало отличалась от заготовительных трудностей 1924—1925 и 1925—1926 гг. Следовательно, речь идет о ином качестве или, скорее, о иной оценке этого качества. Советские историки-аграрники в своем абсолютном большинстве при объяснении того или иного поворота политики в деревне не выходят за рамки своей проблематики. Отсюда и продолжающиеся до сих пор попытки излишне драматизировать ситуацию в сельском хозяйстве в конце 1927 — начале 1928 г. Истинные причины перехода к чрезвычайной политике нужно искать не только в деревне, но и в промышленности, и в сфере внутрипартийной борьбы.

В. И. Исаев. Начавшийся процесс переосмысления истории советского общества — явление весьма своевременное в контексте его перестройки — тем не менее, на мой взгляд, не свободен от рецидивов прежнего, «конъюнктурного» подхода, который, к сожалению, был так долго свойствен историкам. Этот подход опасен не только очевидными пороками (нравственный релятивизм, карьеризм и т. п.), но и тем, что подрывает саму основу научного рассмотрения процесса: заранее готовые схемы и оценки становятся прокрустовым ложем, в которое втискиваются факты или же отсекаются неподходящие. Вместо старых стереотипов мышления и восприятия утверждаются и пропагандируются новые.

Оценки коллективизации крестьянства, высказываемые в настоящее время, часто строятся по принципу «зеркального» отрицания прежних утверждений советской историографии. Если раньше коллективизация рассматривалась как процесс, опиравшийся на стихийное стремление крестьянства к общественному ведению хозяйства, поддержанный и руководимый рабочим классом, то теперь она предстает как наиболее яркое насильственное действие сталинского режима, опиравшееся только на мощь

государства. Думается, что и то и другое — крайность, необходимо видеть процесс во всем его многообразии и противоречиях.

В частности, не стоит сбрасывать со счета многовековую традицию крестьянской общины, которая устояла даже перед разрушительным натиском столыпинской аграрной реформы. За 1906—1917 гг. из общины выделилось только 20 % всех крестьянских дворов, в основном зажиточные крестьяне, которые в дальнейшем и стали кулаками.

Эта традиция, безусловно, являлась одним из опорных камней фундамента колхозного строя, ставшего как бы преемником прежнего общинного уклада.

На примере коллективизации очень важно рассмотреть вопрос о взаимодействии, взаимоотношениях государства и общества. До недавнего времени государство и общество почти отождествлялись на том основании, что социалистическое государство наиболее полно выражает интересы общества. Анализ командно-административной системы, созданной во времена Сталина, закономерно возвращает нас к дилемме «гражданское общество» и государство. Наряду с признанием широких возможностей для сталинского государственного аппарата и его Хозяина кроить и переделывать социальную действительность в соответствии со своими целями и представлениями, мы должны все же видеть, что без опоры на реальные процессы и социальные силы его действия были бы невозможны.

В связи с этим более тщательному анализу должно быть подвергнуто общественное сознание периода строительства социализма. Видимо, стоит обратить внимание на элементы социальной утопии в сознании различных социальных групп, особенно крестьянства. Стремление народных масс к справедливому устройству общества находило в прошлом свое выражение в различных учениях и массовых движениях. В переходном от капитализма к социализму периоде в условиях неграмотности и малограмотности подавляющего большинства населения СССР упрощенное понимание (да и пропаганда) теории марксизма-ленинизма как бы оживляло эти прежние чаяния масс. Таким образом, коллективизация может быть рассмотрена в контексте вековых стремлений крестьянства к хорошей зажиточной жизни. Другое дело, что крестьянство в определенной мере как бы было обмануто в своих ожиданиях.

В. А. Исупов. Обратившись к проблемам коллективизации сельского хозяйства, необходимо констатировать тот бесспорный факт, что историками сделано в этом направлении уже немало. Вместе с тем целый ряд важных и, пожалуй, наиболее актуальных аспектов темы остались «за бортом» исследований, вследствие чего в научном знании образовались огромные белые пятна.

Один из кардинальных вопросов — была ли политика Сталина по отношению к крестьянству деформированным продолжением ленинской линии или же она представляет собой самостоятельную политику, не имеющую ничего общего с теорией кооперации В. И. Ленина? Прав ли был Н. И. Бухарин, обвинявший Сталина в «военно-феодальной эксплуатации крестьянства»? Можно ли признать опыт Советского Союза в области перевода мелкобуржуазных слоев на социалистические рельсы эталонным?

Уровень наших знаний о процессах коллективизации пока еще не позволяет дать достаточно приемлемые объяснения. Поиск ответов, в свою очередь, ставит новые вопросы. Будет ли правильным утверждение, что в ходе сплошной коллективизации, сопровождавшейся мощными социальными потрясениями, усилились не только различия, но и противоречия между городом и деревней? Как коллективизация отразилась на функционировании экономической и политической системы общества?

Долгое время в силу ряда причин объективного и субъективного характера в тени оставались и демографические проблемы. Историки имеют самое смутное представление не только о воспроизводстве (рождаемость, смертность), но и о динамике численности и состава населения в 20—30-е годы.

Наиболее высокая цена политических решений — человеческая жизнь. Какова же с этой позиции плата народа за сплошную коллективизацию? Пожалуй, эта проблема является ключевой. Первые попытки ее анализа уже предприняты, но до завершения еще очень далеко. Однако уже сейчас мы можем утверждать, что цена деформаций социализма была огромной. Голод 1932—1933 гг., депортация крестьян, отнесенных на основе расплывчатых критериев к кулакам, эпидемии инфекционных заболеваний унесли миллионы жизней. Страна фактически была поставлена на грань демографической катастрофы. Нет сомнения, что это было результатом той политики, которую проводил Сталин.

Анализируя собственно роль Сталина, важно отметить, что нельзя подменять критику административно-командной системы критикой личности ее вождя. Безусловно, Сталин играл главную роль в выработке решений и их реализации. Однако это стало возможным, поскольку сама система имманентно, в силу внутренней логики своего развития, открывала широкие возможности субъективизму и волюнтаристическим проявлениям. Вся «гениальность» Сталина заключается в том, что он усвоил законы тоталитаризма и действовал в соответствии с ними. Он был не более чем персонифицированным отражением режима. Сталин сам был пленником административно-командной системы, и если бы его действия противоречили ее законам, она смяла бы его, как сминала миллионы других людей.

Движущие пружины событий надо искать не только в деятельности одной личности, но в закономерностях функционирования тоталитарного режима. Универсальность ситуации состоит в том, что любой тоталитарный режим может существовать только в условиях кризиса — экономического, политического, военного и т. п. Выход из кризисного состояния лишает режим основ существования. Однако реконверсия в сторону демократизации происходит далеко не во всех случаях. Чем глубже тоталитарная трансформация, тем больше вероятность, что режим сам начинает репродуцировать кризис, чтобы, преодолевая его, вновь создавать базу для своего существования. Не в этом ли коренятся глубинные причины ликвидации новой экономической политики и тех деформаций, с которыми были проведены и коллективизация, и индустриализация? Во всяком случае циклы тоталитарной конверсии и реконверсии отчетливо прослеживаются в истории нашей страны. Только теперь, в период перестройки, когда маятник качнулся в сторону демократизации, тоталитарная реконверсия имеет реальный шанс стать необратимым процессом.

С. А. Красильников. Видится очевидный прогресс в том, что историки уже не ограничиваются констатацией типа «что было?», «как было?», а стремятся ответить на вопросы «почему было так, а не иначе?». И, наконец, «могло ли быть иначе?» История из «оправдывающей» становится «объясняющей» прошлое. И в этом познавательном движении учет фактора альтернативности исторического развития трудно переоценить. Если признать, что альтернатива — это выбор из существующих возможностей и борьба за реализацию этого выбора — тогда значительно богаче и многообразнее станет анализ эпохи «Великого перелома».

Во-первых, уже сам по себе познавателен вопрос: а был ли необходим (или неизбежен) именно такой тип, вариант социально-экономических, политических, культурных преобразований, который состоялся в нашей стране в 1930-е годы? С этим, первым, тесно связан и второй: а существовали ли иные возможности, иные формы, методы и темпы осуществления назревших, объективно необходимых стране общественных преобразований, какие социальные группы, личности являлись носителями этих возможностей? Сейчас много говорится о бухаринской альтернативе, которую с некоторыми оговорками позитивно оценил и докладчик. Что я понимаю под бухаринской альтернативой? Системное видение стратегии преобразований страны, ведущих к социализму, где во взаимосвязи были представлены аспекты: экономические (смешанная экономика, сочетание общественного сектора с частным, плана с рынком и т. д.); социальные

(политика, направленная не на раскол и конфронтацию, а на разумное согласование многообразных социальных интересов); культурно-идеологические (известная автономия культуры, больший, нежели в гражданскую войну, плюрализм мнений, борьба с бюрократизмом, углубление общественных начал и т. д.). Эта программа в целом предполагала менее стремительные темпы социальных преобразований, нежели реализованная политика сталинского «большого скачка», однако в центре ее находились интересы трудящихся масс — пролетарских и непролетарских. Когда говорят, что история не дала шансов «ветеропливному», эволюционному варианту, то здесь мышление базируется на представлениях о фатальной предопределенности второй мировой и Отечественной войн и, в связи с этим, обсуждается вопрос о худшей или лучшей подготовленности страны к войне. Между тем трудно отрицать, что рассмотренная под этим углом зрения проводимая сталинская внутренняя и внешняя политика создавала наихудшую ситуацию с позиций состояния человеческого фактора внутри страны и оценок нашей страны за рубежом с позиций «союзоспособности».

То, что историческая равнодействующая в итоге приняла сталинские очертания и персонификацию, отнюдь не означает, что нереализовавшиеся возможности имели несоциалистическую природу. На примере анализа бухаринской альтернативы нетрудно доказать мифологию тезиса о «правом оппортунизме» группы Бухарина. Но проблема гораздо шире и важнее вопроса о гражданской и политической реабилитации тех или иных личностей. Речь идет о «реабилитации» идей, подходов, поисков оптимальных путей, форм, методов включения масс в социалистическое строительство, которые должны занять соответствующее место в совокупном историческом опыте развития мировой системы социализма.

Сказанное требует по-иному взглянуть даже на, казалось бы, общеизвестные факты, касающиеся судьбы бухаринской альтернативы применительно к нашей истории. Примем допущение, что «снятые», нереализованные в качестве ведущей тенденции возможности продолжают существовать в измененном виде, оказывая воздействие на генеральную линию развития. Возьмем область выработки экономической стратегии. Еще в 1928 г. в своих знаменитых «Заметках экономиста» Бухарин дал развернутый анализ природы возникновения кризисных явлений в промышленности и сельском хозяйстве страны и поставил весьма обстоятельный диагноз возможных последствий волюнтаристских решений. Три года спустя, в 1931 г., выдвигая свои «исторические шесть условий», Сталин тем самым как бы признал правоту своих оппонентов о неизбежном примате экономического реализма над волюнтаризмом. И хотя в последующем рецидивы диктата внеэкономического принуждения не раз опасно повторялись, по им всегда противостояла и другая тенденция.

Или обратимся к привычной формуле о торжестве колхозного строя в деревне, достигнутом за годы предвоенных пятилеток. Есть факты, требующие, на наш взгляд, переосмысления. Так, в 1937 г. в составе произведенного национального дохода 17 % пришлось на долю личного подсобного хозяйства. Статистика «упрятала» эту величину в объем продукции социалистического сектора, что не вполне правомерно, ибо здесь использованы и личный труд, и собственные орудия труда, продукция не планируется, продается по ценам рынка и т. д. Следовательно, преждевременно было считать экономику «одноукладной». Но не менее важно и другое: коль скоро даже под жестким прессом огосударствления сохранялись традиционные крестьянские формы хозяйствования, то не такими уж неправыми были предложения «правых уклонистов» в вопросе о путях и методах преобразования деревни. Во всяком случае опыт других стран показал, что «кооперируемая» деревня предпочтительнее «коллективизируемой» уже хотя бы тем, что здесь не происходит снижения сельскохозяйственного производства.

И, наконец, требуют переосмысления события в деревне, связанные с началом сплошной коллективизации и массового раскулачивания. Так

ли уж был «чудовищно неправ» Бухарин, выдвигая еще в начале 1929 г. обвинение группе Сталина в курсе на «военно-феодалную эксплуатацию крестьянства», предупреждая: «Политика Сталина ведет к гражданской войне. Ему придется залить кровью восстания. В результате получается полицейщина» (цит. по журналу «ЭКО», 1988, № 9, с. 160). Ведь нельзя же объяснить массовость крестьянских волнений, которая за 2,5 мес, с января до середины марта 1930 г., более чем вдвое превысила соответствующую годовую цифру за весь 1929 г., только кулацкой агитацией. Или 100 тыс. крестьянских писем (форма пассивного протеста), направленных в адрес высших эшелонов власти в канун XVI съезда тоже инспирированы кулацкой верхушкой? Как оценивать правомерность политики массового раскулачивания, если принимать во внимание тот факт, что в среднем по стране стоимость конфискованного имущества у раскулаченных в среднем составляла от 320 до 550 руб., тогда как по подсчетам Н. Д. Кондратьева еще в канун первой мировой войны на одно крестьянское хозяйство Европейской России приходилось около 900 руб.? Даже если принять во внимание имевшее место самораскулачивание и сознательно осуществляемое на местах занижение стоимости конфискованного имущества, то и в этом случае статистика не скроет факта, что раскулачивание ударило по крестьянству в целом.

Вряд ли эту тему можно считать исчерпанной. Напротив, мы только находимся на начальной стадии работы над ней, как, впрочем, и над более общими проблемами, затрагивающими историю крестьянства и сельского хозяйства в эпоху «Великого перелома».

В заключение хотелось бы выразить свое отношение к позиции Н. Я. Гущина в ряде вопросов. Так, первооснова хлебозаготовительного кризиса обозначена упрощенно, едва ли не в духе тезиса о «кулацкой стачке». В вопросе о позиции группы Бухарина он предпринимает косметическую правку: если Сталин доказывал абсолютную недиалектичность бухаринских рекомендаций и оценок, то Н. Я. Гущин считает их не вполне диалектическими. И совершенно необъяснимым представляется отсутствие, или хотя бы упоминание среди перечня дискуссионных вопросов того, который затрагивает судьбы многих сотен тысяч раскулаченных, спецпереселенцев, из числа которых не менее 1/4 пришлось на Сибирь. Или автор ряда публикаций, рассказывающих о «трудовом перевоспитании бывших кулаков», считает тему исчерпанной, либо «периферийной»?

А. А. Николаев. Интерпретация ленинского теоретического наследия, в том числе в области кооперативного строительства, осуществлялась постоянно в тесной и довольно жесткой зависимости от характера политической ситуации в нашей стране. Именно благодаря этой взаимосвязи мы получили разветвленную «охранительную историографию», бившуюся в тисках бесплодных дискуссий. Объективная потребность в демократизации нашего общества создает предпосылки для более объективного анализа советской истории, ленинского теоретического наследия.

Современные историки оперируют понятиями комплексный и системный подход. В конкретных исследованиях принцип комплексности часто остается декларацией. Анализ последних ленинских работ 1921—1923 гг. осуществляется зачастую в рамках сложившейся исторической специализации, что объективно разрушает цельность замысла. А между тем (и это неплохо показал Н. И. Бухарин) ленинские мысли носили сквозной характер. Экономика анализировалась в тесной взаимосвязи с политикой, культурой, внутрипартийной борьбой и т. д. Только проникнув в суть ленинской диалектики мышления, мы сможем ответить на вопрос, почему он оценивал кооперацию в 1921 г. как госкапиталистическую форму хозяйства, а в 1923 г. — социалистическую. Здесь необходимо учитывать изменения в политической обстановке 1921 и 1923 гг., степень возрождения частного капитала на базе нэпа, переход власти в руки коммунистических фракций в различных видах кооперации, социальный состав членов кооперации и, что особенно важно, взаимосвязь с социалистическими предприятими.

Для анализа развития кооперативного движения первостепенное значение имеет выяснение его взаимосвязей с политической надстройкой. Это вроде бы азбука. Но ведь только после XXVII съезда был сделан вывод о том, что хозяйственная реформа 1965 г. потерпела неудачу, потому что не была подкреплена изменениями в политической структуре общества. Взаимосвязь политики и экономики налицо была и в конце 20-х, и на этапе осуществления массовой коллективизации села. Для постановки исследований на научную основу необходим поиск исходно верных методологических принципов, способных синтезировать «осколки» исторических знаний, а также широкий доступ к первоисточникам. До сих пор в литературе по достоинству не проанализировано ленинское понимание социалистического обобществления: как формальных акций и реального процесса. Разделяя процесс обобществления на формальные и реальные стороны, можно более четко дифференцировать политику. В частности, коллективизацию сельского хозяйства, преобразование колхозов в совхозы в 50-е годы, отчасти принудительное формирование межхозяйственных объединений в последнюю четверть века можно считать акциями формального обобществления. Эти мероприятия способствовали отчуждению производителей от собственности и были неэффективны как с точки зрения производства сельскохозяйственной продукции, так и решения социальных задач.

И. В. Павлова: В своих многочисленных трудах, посвященных коллективизации, современные историки, хотя и несколько отошли от схемы «Краткого курса истории ВКП(б)», но до последнего времени проводили, обосновывали, подкрепляли, освещали на региональном материале проталинскую концепцию. В основании этой концепции — положение о том, что коллективизация сельского хозяйства — «одно из важнейших завоеваний советского народа в борьбе за социализм, открывшее широкий простор для развития производительных сил, для подъема благосостояния крестьянских масс», что переход к массовой коллективизации был объективно необходим и порождился всем ходом экономического и политического развития страны во второй половине 20-х годов. Между тем высказывания Сталина на закрытых заседаниях, речи на открытых собраниях, его реальные дела в 1928—1929 гг., в сравнении с решениями XV съезда партии говорят как раз об ином: это был волюнтаристский акт Сталина, укладывавшийся в его концепцию великодержавного государства, но не имевший ничего общего с ленинским кооперативным планом. Ленинский план кооперации пытался отстаивать Н. И. Бухарин в своих трудах и выступлениях, предлагая развивать все формы кооперации, строго соблюдая при этом принцип добровольности, а в отношении кулака действовать экономическими методами.

Из статей и речей Сталина того времени видно, как беспринципно, произвольно манипулируя цифрами (если бы только цифрами!), игнорируя решения съезда, Сталин утверждал свою линию «насаждения» (слово, которое он постоянно выделял) колхозов.

Сохранилось свидетельство очевидцев, слушателей Института красной профессуры, Комкадемии и Свердловского университета, перед которыми Сталин выступил 28 мая 1928 г. с беседой «На хлебном фронте», о том, насколько неожиданно прозвучал призыв Сталина к повсеместному созданию колхозов и к борьбе с кулачеством. Он тогда только вернулся из своей трехнедельной поездки по Сибири, где пытался на практике опробовать свою новую политическую линию. А 27 декабря 1929 г. в речи на конференции аграрников-марксистов Сталин единолично вынес приговор кулачеству, сформулировав тезис о ликвидации кулачества как класса. Сталин без обиняков высказывался о своей главной цели «установить такой режим, чтобы колхозы сдавали государственным и кооперативным организациям весь свой товарный хлеб под угрозой лишения субсидий и кредитов со стороны государства»⁴¹.

⁴¹ Сталин И. В. Соч. — М., 1949. — Т. 11. — С. 89—90.

В противовес имевшим место реальным событиям и процессам наши историки в своих трудах доказывали, что к концу 20-х годов мелкокрестьянское хозяйство уже исчерпало себя. Между тем эта пессимистическая оценка, в основе которой также лежит оценка Сталина, не соответствовала действительному состоянию сельского хозяйства и положению основной массы крестьянства в те годы. Известны данные о том, что в 1928 г. против 1922 г. валовая продукция сельского хозяйства в сопоставимых ценах выросла вдвое, и тенденция такого развития была вполне устойчивой.

Обосновывая тезис об исторической обусловленности коллективизации в конце 20-х — начале 30-х годов, историки утверждали также тезис о том, что «насыщение деревни техникой, появление тысяч тракторов явилось мощным стимулом к объединению крестьян в колхозы. Новая техника не вмещалась в рамки индивидуального крестьянского хозяйства и не могла им рентабельно использоваться. Производительные силы вступали в противоречие с производственными отношениями, основанными на мелкокрестьянской собственности на средства производства, порождали потребность перехода к коллективным формам хозяйства». Абсурдность этого утверждения очевидна. Оно натывается на противоречащие ему положения, встречающиеся в трудах некоторых историков коллективизации. Так, В. П. Данилов в 1957 г. писал, что «к началу массовой коллективизации производительные силы сельского хозяйства были развиты слабо, в деревне преобладал ручной труд, доля тракторных работ ничтожна». Сейчас стало известно, что в «год великого перелома» не было еще и по одному трактору на двадцать колхозов.

С ног на голову в нашей историографии перевернута и проблема ликвидации кулачества как класса. Основопологающим ее тезисом является тезис о том, что «ожесточенная борьба против коллективизации и Советской власти предопределила необходимость ликвидации кулачества как класса в форме насильственной экспроприации и исключила возможность другого, более мирного и безболезненного решения вопроса». Здесь произвольно изменены место следствия и причины — следствие стало причиной, а причина — следствием. Почитайте труды Сталина! Как явно проходит в них лозунг развязывания гражданской войны против кулачества. «Уральско-сибирский метод, — говорил Сталин, — тем собственно и хорош, что он облегчает возможность поднять бедняцко-средняцкие слои против кулаков»⁴². Вдумайтесь в конкретные меры, направленные против кулачества. Статья 107 Уголовного кодекса, которую стали применять к кулаку в 1928 г. не за спекуляцию, а за неспасу хлеба. 25 % конфискованного у кулаков хлеба передавалось беднякам — мера, поощрявшая их на борьбу с кулачеством. Вспомните, что в 1926—1927 гг. средний размер сельхозналога на кулацкие хозяйства был повышен против 1925—1926 гг. на 58 % и превысил средний налог на бедняцкое хозяйство в 112 раз, на середняцкое — почти в 6 раз и еще более возрос в 1928—1929 гг. А теперь будем объективны — как могло реагировать на такую политику крестьянство, мелкобуржуазное по сути, которое верило делам, а не лозунгам?

В трудах историков коллективизации до последнего времени тщательно обходился вопрос о голоде 1932—1933 гг. В них нет ответа ни на вопрос о его причинах, ни о его последствиях, ни о том, как увязать голод с тем фактом, что в 1932 и 1933 гг. страна продолжала вывозить хлеб за границу. Историки в этом вопросе строго следовали завету Сталина, который, выступая в разгар голода 19 февраля 1933 г. на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников и говоря о трудностях на пути развития колхозного движения, назвал их «детской игрушкой», которые «не стоят даже того, чтобы серьезно разговаривать о них»⁴³.

⁴² Сталин И. В. Соч.—М., 1949.— Т. 12.— С. 90.

⁴³ Там же.— Т. 13.— С. 243—244.

Пора, наконец, перестать смотреть на коллективизацию глазами Сталина и взглянуть на нее глазами людей, живших в то время. Пора называть вещи своими именами, а не уводить читателя в мир рассуждений о социализме. Коллективизация не должна, как это делалось раньше, рассматриваться вне связи с гражданской войной, развязанной в деревне под лозунгом ликвидации кулачества как класса, вне связи с искусственно вызванным в 1932/1933 гг. небывалым по масштабам голодом, массовым убоем скота. Результаты коллективизации резко расходились с заявлениями Сталина, утверждавшего, что «...наша страна через каких-нибудь три года станет одной из самых хлебных стран, если не самой хлебной страной в мире»⁴⁴. Роста аграрного производства практически не было. Все проблемы, с которыми сталкивается сегодня сельское хозяйство, берут свое начало в 30-е годы.

Однако задача, поставленная Сталиным, была решена. Коллективизация дала возможность Сталину подвести социально-экономическое основание под свой политический режим, который правомерно называть сталинизмом. В результате такого беспрецедентного внеэкономического принуждения колхозная система стала беспрекословно (не то что свободный крестьянин!) давать хлеб государству (с 1933 по 1958 г. по символическим ценам, в 10—12 раз ниже рыночных). Эти преобразования удовлетворили также огромный спрос на рабочую силу, возникший в результате форсированной индустриализации.

Первыми пересмотр просталинской концепции коллективизации начали писатели и публицисты. В среде историков этот процесс идет трудно и противоречиво. Самые радикальные выступления и публикации пока не идут дальше критики методов коллективизации.

С. Г. Ларченко. В дискуссии об оценке личности И. В. Сталина и той роли, которую он сыграл в истории нашей страны, высказаны различные точки зрения. Нередко Сталин предстает чуть ли не злым гением социализма. На мой взгляд, ни по своим человеческим качествам, ни по уровню своих теоретических разработок он не заслуживает такой оценки. Более того, подобные представления отвлекают внимание от более важной для будущего развития страны проблемы. Сталинизм не является неизбежностью социалистического развития вообще. Однако культ личности и связанные с ним явления имели известные основания. Следовательно, в своем становлении он подчинялся определенным закономерностям, имел определенный механизм, определенную причинно-следственную структуру.

Часто приходится слышать: «Если бы Сталин не пришел к власти, либо был бы своевременно отстранен от нее, то ничего этого бы не было». Если при этом имеются в виду кровавые репрессии 30-х годов, то, пожалуй, в таких масштабах почти наверняка этого не смог бы организовать ни один из конкурентов Сталина в борьбе за власть. Но вот одно наиболее устойчивое следствие сталинизма — «административно-командная система» и связанный с ним «зажим» общественно-политической и трудовой активности граждан, извращения социалистической демократии — словом, те завалы на пути прогресса социализма, которые призвана разоборать перестройка, — все это не связано исключительно с личностью Сталина. Более того, тот же результат был бы получен в случае прихода к власти любого из политических и теоретических оппонентов Сталина.

Дело в том, что при всей противоположности политических программ противников в дискуссиях о путях строительства социализма в СССР, проходивших в 20-х годах, объединяла одна принципиальная общность: каждый участник дискуссий о путях строительства социализма предлагал одну модель развития для всей страны. Чтобы понять ошибочность такого подхода, следует просто вспомнить, чем в действительности была эта страна? В границах СССР заключалось на период начала социалистических преобразований многообразие исторических типов отдельных обществ, сравнимое с многообразием всего человечества.

⁴⁴ Там же. — Т. 12. — С. 132.

Ленинским планом построения социализма предполагалось одновременное существование и сосуществование различных форм коопераций. В преобразованном теоретической работой Сталина виде эта идея представала в форме ступенек «от низших форм к высшим» (колхозы), поглощаемых в конце государственной собственностью. А такую лестницу можно было попытаться «пробежать» побыстрее... И естественно, такая модель, налагаемая на многообразие стартовых условий, предполагала необходимость насилия и административно-командных способов «продавливания» — только, быть может, без эксцессов сталинизма.

Выбор единой на всю страну модели объяснялся не только недialeктичностью мышления теоретиков, принявших ленинское последнее, но и мощной традицией государственности в мышлении и политических традициях, присущих не только российской интеллигенции, но и большинству населения. А после того, как в результате успешного «продавливания» наиболее экстремистской сталинской модели, после грандиозного насильственного «выравнивания» уровней развития, в СССР сложилась такая социально-культурная и социально-политическая ситуация, которая сравнима с положением в некоторых развивающихся странах: известный процесс депролетаризации, как последствие гражданской войны и разрухи, всплеск той мелкобуржуазной стихии, которую отмечал еще Ленин, утрата и того ограниченного опыта демократических форм государственной жизни, который был накоплен во время революции. Все это объективно способствовало формированию социально-психологических условий для культа личности. Важно изучить возможные альтернативные пути развития и всю совокупность факторов, приведших как к формированию административно-командной системы, так и утверждению культа личности.

И. С. Кузнецов. В дискуссионных публикациях последнего времени, в которых во многом по-новому трактуется история коллективизации в нашей стране, преобладающее внимание было уделено анализу соответствующих политических решений (наибольший интерес в этом плане представляют статьи О. Лациса в журналах «Коммунист» и «Новый мир»). Однако смысл и значение тогдашних социальных потрясений станут ясны еще глубже, когда будет должным образом понята социально-психологическая сторона происходивших процессов, уточнено отношение различных групп крестьянства к аграрной политике того периода. Если говорить об этой стороне дела, то пока мы здесь отмечаем скорее некоторые новые стереотипы вместо старых, нежели глубокий анализ.

Большинство авторов, высказывавшихся в последнее время по проблемам коллективизации, сходятся на том, что курс на форсирование социальных преобразований в деревне, поворот к которому произошел на рубеже 20—30-х годов, нашел известную поддержку беднейших слоев крестьянства. Здесь сыграло свою роль и «революционное нетерпение» и грубоуравнительные устремления деревенских низов. Что касается отношения к коллективизации основной массы крестьянства, то чаще всего признается, что это отношение могло быть только отрицательным, проявлялось в различных формах недовольства — от массового забоя скота до стихийных «бунтов».

В связи с этим ставится риторический вопрос, почему все же был реализован вариант преобразования деревни, неприемлемый для основной массы крестьянства, почему последнее не выступило поголовно против проводившейся политики, почему не сбылись пророчества эмигрантов-меньшевиков и прочих о всеобщем крестьянском восстании. В порядке объяснения этого «феномена» кроме самых общих соображений о исторической пассивности крестьянства, его раздробленности, неспособности к самостоятельному политическому действию и т. д. приводится еще и аргумент о том, что сознание крестьянства носило добуржуазный характер, было пронизано идеалами уравнительности, и поэтому в нем закономерно нашли отклик антикулацкие лозунги.

Рассмотренный круг оценок, ставших в известной мере общими местами многочисленных публицистических выступлений последнего вре-

мени, разумеется, отражает какую-то долю истины. Однако необходима серьезная конкретизация этих положений, их уточнение, более четкое приведение в соответствии с реалиями конца 20-х годов.

Взять к примеру тезис о низших слоях деревни, зараженных иждивенчеством, уравнилельными настроениями и ставших социальной опорой политического экстремизма. Бедняк, низовой активист, если персонафицировать его в фигуре Игнашки Сапронова из «Каунов» В. Белова, оказывается одиозной фигурой деревни, лентяем, завистником и карьеристом. Безусловно, такой человеческий и социально-психологический тип был одной из реальностей тогдашней деревни, и его зловеющая роль в эскалации репрессивной политики достаточно очевидна. Однако, думается, при этом нельзя забывать и о существовании другого реального типа, литературным эквивалентом которого может быть незабываемая фигура Макара Нагульнова. Речь идет о тех искренних, беззаветных борцах за Советскую власть, партизанах, сельских коммунистах, сознание которых сформировалось в период военного коммунизма и определялось его категориями и в последующий период.

Для полноты картины следует добавить, что эти «военно-коммунистические настроения» питались трудностями и противоречиями нэпа (искривления классовой политики на местах, слабая помощь бедноте). Так, скажем, к концу 20-х годов «подавляющая часть» бывших участников партизанского движения в Сибири — по оценке руководителей сибкрайкома — выражала полную готовность «идти на защиту Советской власти» и вместе с тем проявляла недовольство нэпом и «стремление возврата к военному коммунизму».

Это еще раз напоминает о том, что хозяйственная политика, ориентированная на экономические методы и предусматривающая возможность социального расслоения, должна проводиться поистине филигранно, должен находиться баланс между экономической эффективностью и социальной справедливостью.

Необходима и более фундаментальная характеристика настроений основной массы крестьянства, его отношения к переломным событиям рубежа 20—30-х годов. Призная справедливость многого из сказанного по этому поводу в последнее время, хотелось бы напомнить о некоторых важных фактах, бесспорно влиявших самым серьезным образом на социально-психологическую атмосферу тогдашней деревни. Здесь следует прежде всего сказать о такой преобладающей социально-политической ориентации трудового крестьянства, как доверие к Коммунистической партии и Советской власти, доверие, сформированное в ходе революции и гражданской войны. Да, большинство крестьян в конце 20-х годов без восторга приняло призыв немедленно вступать в колхозы, — и статистика сокращения поголовья скота красноречиво свидетельствует об этом.

Но и в такой ситуации еще не все было потеряно. Крестьянин с мукой в сердце вел своих коров и лошадей на колхозный двор, а то и вообще уничтожал скот на пороге новой жизни, но все же была определенная надежда, что партия и Советская власть к плохому не позовут. Были и известные надежды на государственную помощь, было и какое-то понимание некоторых очевидных плюсов совместного труда. Неслучайно, что в первые годы колхозной жизни наряду с величайшей безхозяйственностью и неразберихой были факты честного, добросовестного труда и даже энтузиазма. Думается, что уж коль колхозы утвердились, они могли бы стать приемлемой для крестьянства хозяйственной формой, — но конечно при наличии правильного экономического механизма.

Н. Я. Гуцин (заключительное слово). Прошедший обмен мнений, на мой взгляд, был интересен. В ходе его по некоторым вопросам были высказаны новые в историографии, а иногда и полярные точки зрения, что свидетельствует о начавшемся критическом переосмыслении историками прошлого, стремлении преодолеть закоснелые стереотипы. Однако некоторые новаторские суждения авторов умозрительны, не основыва-

ются на анализе конкретно-исторического материала и навеяны «модой» на критику всего и вся. Сказалось на некоторых выступлениях некритическое восприятие взглядов отдельных публицистов, хотя задачи и методы анализа фактов публицистики и исторической науки несколько отличаются. Анализ всей совокупности фактов, конкретных событий в их взаимосвязи и взаимовлиянии, комплексный, системный подход к оценке исторического опыта — ключ к подлинно научному знанию. Прошедшая дискуссия свидетельствует о необходимости глубокого творческого изучения сложных проблем и «белых пятен» исторического опыта, создания в ближайшие годы серии работ по истории сибирской деревни на «узловых» этапах ее развития — в годы «военного коммунизма», нэпа, коллективизации, Великой Отечественной войны, в 60—80-х гг., в том числе и в «застойный период», подготовка которых уже развернута в ИИФиФ на основе координации с другими гуманитарными подразделениями СО АН СССР, а также с историками вузов.